

УДК 902.26 902.64 355.48

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.100.131>

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. КОМАРОВКА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: К ИЗУЧЕНИЮ ОРУЖИЯ БЛИЖНЕГО БОЯ У НАСЕЛЕНИЯ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2020 г. Л.А. Вязов, Д.А. Петрова, В.В. Кондрашин, Ю.А. Салова

Статья посвящена предварительной публикации набора артефактов из грунтового могильника у с. Комаровка Ульяновской области. Предметы происходят из разрушенного несанкционированными раскопками погребения, совершенного по обряду кремации с преднамеренным повреждением погребального инвентаря. В состав анализируемого комплекса входят длинный однолезвийный клинок, наконечник копья и боевой нож, а также предметы конского снаряжения, украшения и детали костюма. Вероятная датировка комплекса - середина - вторая половина VI в. н.э. Наличие клинкового оружия и особенности погребального обряда делают публикуемый комплекс уникальным для именьковской культуры. Аналогии составляющим его артефактам обнаруживаются в материалах Северного Кавказа и Подунавья, а также Западной Сибири. Появление их в Среднем Поволжье может быть связано с культурными взаимодействиями периода формирования Аварского и Тюркского каганатов. С этими же событиями, вероятно, связано складывание нового набора военного снаряжения именьковского населения, включающего, наряду с луком и стрелами, оружие ближнего боя и пластинчатый доспех.

Ключевые слова: археология, эпоха Великого переселения народов, Среднее Поволжье, именьковская культура, кремации, оружие ближнего боя, Комаровский археологический комплекс.

COLLECTION OF WEAPONS FROM THE SITE NEAR KOMAROVKA IN THE ULYANOVSK REGION: A CASE STUDY OF MELEE WEAPONS OF THE IMEN'KOVO CULTURE POPULATION

L.A. Vyazov, D.A. Petrova, V.V. Kondrashin, Yu.A. Salova

This is the preliminary publication of the collection of artefacts found in the burial ground near to Komarovka of the Ulyanovsk region. The items came from a cremation burial destroyed by treasure-hunters. A long single-edged blade, a spearhead and a combat knife, as well as elements of horse harness, and garnets, form the set of artefacts. As it is clear from their condition, the grave goods were intentionally damaged in the past as a part of the rite. We date this artefact complex to the middle or to the second half of the 6th c. CE. The fact that the burial includes a blade, as well as some specificities of the funeral rite, makes it unique for the Imen'kovo culture. Northern Caucasus and the Danube are the regions where one can find the analogues for the artifacts included in Komarovka burial set. We suggest their introduction to the Middle Volga could be related to cultural interactions of when the Avarian and Turkic Khaganates established. The same processes started the formation of new military equipment of the Imen'kovo population which included melee weapons and plate armor as well, in addition to bow and arrows.

Keywords: archaeology, The Migration period, the Middle Volga region, Imen'kovo culture, cremations, melee weapons, Komarovka archaeological site complex.

Вводные замечания.

Весной 2013 г. в коллекцию Ульяновского областного музея краеведения поступил комплекс находок, обнаруженный кладоискателями в окрестностях с. Комаровка Ульяновского района Ульяновской области. В состав комплекса входили два набора предметов, по словам кладоискателя происходящих из двух различных "кладов", найденных на различных участках вспаханного поля, а также несколько десятков предметов и их обломков, найденных в слое пашне между ними.

Проведенный осмотр участка находок показал, что на этой территории расположен грунтовый могильник с погребениями, совершенными по обряду кремации, а на прилегающей к нему территории находится комплекс поселенческих памятников, включающий в себя два городища, несколько неукрепленных селищ и участки добычи железной руды. С 2013 г. начаты планомерные исследования выявленного комплекса памятников, проводящиеся Международной археологической экспедицией, организованной совместно

Тольяттинским государственным университетом, Институтом археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина Ульяновской области и Казанским федеральным университетом. В разные годы в экспедициях принимали участие Д.В. Серых, Д.А. Петрова, Л.А. Вязов, Ю.А. Семькин, Р.С. Багаутдинов, Е.П. Казаков, Ю.А. Салова, Е.М. Макарова, А.В. Панин, Е.Ф. Шайхутдинова, В.Н. Бахматова, Р.А. Силанов, Дж. Вильямсон и другие исследователи (Введенский и др., 2018). В результате исследований на могильнике было вскрыто 43 погребения, совершенных по обряду кремации. По составу вещевого инвентаря они относятся к VI-VII вв. н.э. Небольшие рекогносцировочные раскопки были также проведены на городище В.И. Введенским и Ю.А. Семькиным. Вещевой и керамический материал с памятников Комаровского археологического комплекса находит ближайшие аналогии в древностях именьковской культуры, хотя и имеет некоторые отличия.

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот материалов одного из двух “кладов”, обнаруженных кладоискателями в начале исследования Комаровского могильника.

Общая характеристика памятника и комплекса находок

Комаровский грунтовый могильник расположен в Ульяновском районе Ульяновской области, в 2 км к юго-западу от монастыря в с. Комаровка (азимут на монастырь 47°), в 2 км к северо-западу от с. Дворики, в 3,4 км к востоку-юго-востоку от с. Старое Алейкино (рис. 1). Площадка памятника находится на водоразделе рр. Свияги и Волги, на субгоризонтальной платообразной поверхности, на северном берегу глубокого водоносного оврага, вытянутого в направлении с востока на запад, у истока северного отрога этого оврага. Площадка памятника плавно понижается в направлении с северо-востока на юго-запад, угол наклона составляет 3°. Поверхность памятника распаивается. На пашне встречается подъемный материал – фрагменты керамики, фрагменты кальцинированных костей, металлургические шлаки и др. Площадь распространения подъемного материала составляет около 1,2 га. Склоны оврага и его северного отрога, примыкающего к памятнику, покрыты лиственным лесом.

Комплекс находок, которому посвящена настоящая статья, по словам обнаружившего его М. Обмелюхина “... найден 26 апреля 2012 года ... Непосредственное место находки находится в 6 метрах от края правого ответвления безымянного оврага, заросшего лиственным лесом (дуб, липа, осина, клен), напротив осины растущей на отпахиваемом валике ... Вещи обнаружены на глубине 0,5 м, располагались кучно. В отвалах земли находились кальцинированные кости”. Описание находчика, а также проведенные впоследствии раскопки показывают, что с очень большой степенью вероятности обнаруженный комплекс следует расценивать как погребение, совершенное по обряду трупосожжения.

При сдаче на хранение в Ульяновский областной краеведческий музей, комплекс был обозначен как “предположительное погребение № 2” и включал в себя 32 предмета (рис. 2-3), в том числе:

1) Фрагмент бронзовой гривны из тордированного дрота, квадратного сечения, с застежкой в виде простого крючка, длиной 10,8 см (рис.3:10);

2) Фрагмент бронзовой круглодротовой гривны длиной 11,4 см (рис. 3:11);

3) Два бронзовых круглодротовых браслета диаметром 5,8 см (рис. 3:12,13);

4) Две двустворчатых бронзовых коробочки-буллы диаметром 6,5 и 7 см (рис. 3: 14,15);

5) Фрагмент железного ножа черешкового типа, с треугольным в сечении клинком, длиной 12,2 см (рис. 2:4);

6) Кольчатые двусоставные железные удила с круглым и восьмерковидными трензельными кольцами (рис. 2:5);

7) Рамка железной пряжки В-образной формы размером 5,6×2,9 см (рис. 3:9);

8) Детали (в т.ч. железные фрагменты оси пружин, стоек, игл, а также пластин, обойм и “кнопок” из сплава цветных металлов) двух двухпластинчатых фибул (рис. 3:1-8);

9) Железный колокольчик - “ботало” размером 9,7×9,1×5,1 см (рис. 2:3);

10) Железный наконечник копья, согнутый пополам, реконструируемая длина - 25 см (рис. 2:2).

11) Фрагменты железного длинного однолезвийного клинка, реконструируемая длина - 88 см (рис. 2:1).

Остальные предметы из состава “погребения” представлены невыразительными обломками изделий. Все артефакты имеют следы намеренного разрушения в прошлом:

гивны разрублены, железные изделия разрублены и/или согнуты, фибулы разломаны на части, крышки бронзовых коробочек погнуты. При этом, данное разрушение нельзя отнести на счет воздействия погребального костра: многочисленные бронзовые фрагменты не несут на себе воздействия огня. Таким образом, в состав набора ритуальных действий при совершении погребального обряда входило преднамеренное уничтожение вещей, причем впоследствии вещи попали в предполагаемую могилу, минуя погребальный костер.

Существенным и трудноразрешимым является вопрос о целостности комплекса “предполагаемого погребения №2”. Представленная в настоящей публикации интерпретация его комплектности строится только на основании устного сообщения находчика. В целом, эта информация заслуживает доверия, однако, несмотря на то, что все предметы, относительно которых у находчика имелись сомнения об их принадлежности к комплексу были из него исключены, следует отметить отсутствие какой-либо полевой документации о составе обнаруженного материала, что могло повлечь за собой некоторые ошибки.

Украшения, детали костюма и конского снаряжения из “предполагаемого погребения № 2”.

В состав исследуемого комплекса входят ряд украшений и деталей костюма, которые могут быть использованы для определения его хронологической и культурной принадлежности.

Двупластинчатые фибулы (рис. 3:1-8).

В состав комплекса входят два набора из трех железных стержней, которые могут быть интерпретированы только как детали механизма двупластинчатых фибул - иглы длиной 8,2 и 8,6 см и двух осей пружин длиной 6 и 8 см (рис. 3:3-7). Лучше сохранился механизм, представленный на рис. 3:3. Здесь ось одной из пружин сохранила свое изначальное соединение с иглой за счет сохранившихся кнопок и остатков стойки на концах, в то время как у второй фибулы кнопки на осях пружины частично утрачены. Оси не имеют обмотки, кнопки на них образованы путем обжимания пластиной из цветного металла.

К набору фибул также относятся два фрагмента накладок с кнопками (рис. 3:1,2) и фрагмент пластины ножки длиной 3 и максимальной шириной 1,2 см, имеющей сечение в виде угловатого желобка (рис. 3:8). Фибулы были сломаны в древности, о чем свидетельствует

отсутствие следов современных повреждений на их деталях.

До недавнего времени двупластинчатые фибулы в ареале именьковской культуры были известны по материалам Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977, с. 102, рис. 9:2, 21) и отдельных случайных находок (Буров, 1985, с. 130). За последние годы они были найдены также в Новославском II могильнике (Валиев, 2018, с. 221, рис. 3:8; с. 225, рис. 9: 8, 9), в погребениях Комаровского могильника (Введенский, 2018, с. 298, рис. 49:4); как стойка такой фибулы была переинтерпретирована находка с Новинковского V селища (Сташенков, 2010, с. 115; с. 122, рис. 5: 6). Кладоискательские находки известны также с памятников в окрестностях с. Сурское Ульяновской обл. и Самарской Луки (материалы не опубликованы). Все эти фибулы относятся к различным типам и в целом отражают женский костюм именьковского населения (Бугров, 2002).

Судя по сохранившимся деталям, ближайшая аналогия фибулам из рассматриваемого комплекса происходит из состава “клада”, обнаруженного на Залотаревском I селище в Пензенской области (Белорыбкин, 2001, с. 24, 27; 25, рис. 12:24-27). “Клад” представляет собой набор разновременных вещей, часть которых, судя по описанию (“...множество фрагментов пронизок и оплавленных предметов... на одном из оплавленных фрагментов прикипел фрагмент кости”), относятся к разрушенному кремационному погребению. На возможное существование памятников с комплексами первой половины-середины VI в. н.э. в окрестностях Залотаревского городища косвенно указывает случайная находка здесь в 1978 г. стремяни, которое И.Л. Измайлов соотносит с материалами из с. Кудыргэ и Улуг-Хорума датирует концом V - серединой VI вв. (Измайлов, 1990, с. 63; с. 69, рис. 1).

За пределами Среднего Поволжья наиболее близкие аналогии комаровским фибулам, насколько можно судить по сохранившимся деталям, обнаруживаются в погребениях раннего периода могильника Дюрсо (Дмитриев, 2003). Двупластинчатые фибулы из этих погребений (вариант 1а или 1б по А.В. Дмитриеву (Дмитриев, 1982, с. 73-74; Амброз, 1982)) снабжены накладками на стойках, имеют тонкие пластины, укрепленные подкладками, форма ножки уплощенно-округлая снизу, кнопки образованы обоймами из цветного металла. Такие фибулы в материа-

лах Дюрсо датируются временем до середины VI в. (Дмитриев, 2003, с. 201) и практически не встречаются вместе с поясными наборами геральдического стиля. Погребения Комаровского могильника, раскопанные в 2013-2019 гг., также свидетельствуют о “догеральдическом” периоде бытования двупластинчатых фибул на памятнике.

Коробочки-буллы (рис. 3:14, 14а, 15, 15а).

В комплекс находок из “предполагаемого погребения № 2” входят 2 комплекта тонких круглых крышечек от коробочек- “булл”, изготовленных из сплава цветных металлов. На имеющемся кладоискательском изображении крышки сложены вместе и согнуты пополам (рис. 3:14а, 15а), в состав музейной коллекции они попали уже в распрямленном виде, с многочисленными повреждениями. Они имеют симметричные отверстия, служившие для скрепления. У одной пары таких отверстий три, расположенных диаметрально - два с одной, одно - с другой стороны буллы (рис. 3:14); у второй - пять отверстий, идущих по краю с одной стороны изделия (рис. 3:15).

Буллы сферической формы в эпоху Великого переселения народов были распространены в северо-восточной Испании, на Рейне и в Северном Причерноморье. Согласно классификации Т. Вида, коробочки из Комаровки относятся к типу Па (Vida, 1996, р. 223), который характерен для территории Северного Кавказа, где такие находки датируются V-VI вв. (Vida, 1996, р. 230) и лишь изредка встречаются в более позднем контексте (Мастыкова, 2009, с. 88). Они входили в состав “средиземноморских” компонентов женского костюма местного населения (Мастыкова, 2009, с. 122) и чаще всего оказывались в погребениях в качестве посмертного приношения.

За пределами северокавказского региона находки булл рассматриваемого типа известны в Комаровке (в том числе в погребениях, раскопанных в 2013-19 гг.), Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 135, табл. 16:9), Верх-Саинском могильнике (Голдина и др., 2018, с. 216-218; табл. 60:9). Из грабительских материалов происходит булла с Самарской Луки, еще одна булла происходит из г. Пороз Белгородской области. В тех случаях, когда хронологический контекст находок известен, они относятся к VI в. н.э.

Рамка железной пряжки (рис. 3:9).

Пряжки этого типа, В-образной формы и прямоугольного сечения, в Среднем Повол-

жье массово распространяются в V-VI вв. н.э. Ближайшие аналогии могут быть указаны на Коминтерновском поселении «Курган», Щербетском I островном селище (Старостин, 1967, с. 85), Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998, с. 137, рис. 25, 28), городище Ош-Пандо (Степанов, 1967, с. 205, табл. XIX, 14, 17), на селище Новая Беденьга I (Вязов, Семькин, 2016, с. 60), на Новославском II могильнике (Валиев, 2019, с. 112, рис. 2:37), в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, с. 124, табл. 5:21). В тех случаях, когда они обнаружены в комплексе, эти пряжки входят в состав поясных гарнитур с накладками-”бельками”, наконечниками-коробочками, ранними формами Ж-образных накладок, то есть относятся ко времени до распространения геральдического стиля.

Фрагменты гривен (рис. 3:10, 11).

В комплексе были сданы два фрагмента шейных гривен - из витого дрота, квадратного сечения, с застежкой в виде простого крючка, длиной 10,8 см (рис. 3:10) и фрагмент круглодротовой гривны длиной 11,4 см (рис. 3: 11). На Комаровском могильнике и в последующие годы исследований фрагментов витых и круглодротовых гривен составляли заметную серию находок. Судить о ближайших аналогиях комаровским гривнам затруднительно из-за фрагментированности и отсутствия на них застежек, которые являются важным хронологическим показателем. Все гривны, обнаруженные в погребениях также фрагментированы и сильно деформированы, со следами огня, а в одном случае - с прикипевшей красной бусиной. В имениковских кремациях с других памятников гривны не найдены, однако целые и фрагментированные круглодротовые гривны встречены на Коминтерновском II могильнике в ингумационных погребениях женщин и детей. Они имеют разные типы застежек - с загнутыми концами, одним загнутым концом и плоским круглым приемником с отверстием, загнутым концом с четырнадцатигранником и плоским круглым в сечении приемником с отверстием, и без креплений на концах (Казаков, 1998, с. 121, 123, 126-128, 138, 144). Витых гривен из квадратного в сечении дрота на Коминтерновском II могильнике не обнаружено.

Фрагменты тордированных и круглодротовых гривен известны из “клада” с Золотарева I селища в верховьях р. Суры, который, как уже говорилось, вероятно, содержит остатки кремации, близкой по времени обря-

ду к захоронениям Комаровского могильника (Белорыбкин, 2001, с. 25). В древнемордовских могильниках такие изделия известны с III-IV вв., например, витая гривна из мужского захоронения 22 Гавердовского могильника (Ефименко, 1975, с. 30, рис. 10) или круглодротовая гривна с замком в виде загнутых концов из женского захоронения 10 Ивановского могильника (Ефименко, 1975, с. 24, рис. 4). Гривны круглые в сечении с замком в виде двух крючков встречаются в широком временном и географическом диапазоне от памятников пьяноборской культуры I-II вв. и до Серповского могильника VI-VII вв. (Вихляев, 1974, с. 8). Есть и более поздние аналогии круглодротовым гривнам с застежкой в виде круглой пластины с отверстием и крючком, они отмечены в захоронениях Борковского и Кузьминкинского могильников VIII - IX вв. (Альбом древностей..., 1941, с. 69).

Круглодротовые браслеты (рис. 3:12,13).

Браслеты, изготовленные из круглого в сечении прута, являются, пожалуй, пожалуй, одним из самых распространенных типов украшений эпохи Великого переселения и раннего средневековья. Они хорошо известны в материалах именьковской культуры и найдены в погребениях Коминтерновского II, Новославского II могильников; есть они и в кремациях Комаровки, раскопанных в 2013-2019 гг. Значительное количество браслетов происходит также из сборов. Судя по ингумационным могильникам, браслеты помещали в основном в женские и детские погребения, как по одному, так и парами (Казаков, 1998, с. 119, 123, 125, 135, 137, 138).

Что касается хронологии, то гладкие браслеты без декора, как отмечает А.В. Мاستыкова, широко распространены в культурах Восточной Европы на протяжении всего I тыс. (Мастыкова, 2009, с. 66-67).

Удила (рис. 2:5).

Удила из рассматриваемого комплекса - кольчатые, со звеньями, с внешними петлями в виде восьмерки и снабженными трензельными кольцами: округлым - с одной стороны и восьмеркообразным (кольцо сдавленное с боков к середине) - с другой (рис. 2:5). "Восьмеркообразность" петель самих удил слегка намечена, она выражена намного слабее, чем на других аналогичных удилах.

Точных аналогий удилам нет из-за особенностей набора трензельных колец, однако сами по себе удила с восьмеркообразными завершениями звеньев хорошо известны как

в именьковской культуре, так и в соседних регионах. На именьковских памятниках они известны в Коминтерновском II могильнике (Казаков, 1998. С. 137, рис. 25:39; с. 145, рис. 33:7; с. 148, рис. 36:17), на Щербетском I островном селище (Старостин, 1967. С. 77, табл. 15:2).

Наиболее близкие параллели удилам из Комаровки обнаруживаются в Коминтерновском II могильнике (погр. 25), а за пределами именьковского ареала - в Безводнинском (п. 44) и Волчихинском (п. 70) (Седышев, 2004. С. 126, рис. 6: 3), Старо-Кадомском и Младшем Ахмыловском могильниках (Седышев, 2004. С. 43). Еще одни аналогичные удила были найдены вместе с наконечником копья (см. ниже) в погребении 4 именьковского кремационного могильника на территории Жигулёвского II селища на Самарской Луке в 2020 г. (рис. 5: 2). Все эти удила имеют окончания звеньев в виде слабопрофилированной восьмерки и одно (чаще) или два восьмеркообразных трензельных кольца.

Указывая на аналогии в раннеаварских памятниках Венгрии, О.В. Седышев относит этот тип удил к концу VI в. и предполагает их выход из употребления в VII в. н.э. (Седышев, 2004. С. 43). Комаровские удила выглядят даже несколько более архаично на фоне приведенных аналогий за счет наличия второго круглого трензельного кольца.

Ботало (рис. 2:3).

Тело колокольчика изготовлено из тонкого железного листа, свернутого в трубку округло-уплощенной в горизонтальной и усеченоконической - в вертикальной проекции формы, соединенного сбоку фальцевым швом. Реконструируемые размеры колокольчика: высота - около 6 см, размер основания - около 10×6 см, размер верхней части -

8×5 см. Голова колокольчика также изготовлена из тонкого выпукло-вогнутого железного листа овальной в горизонтальном сечении формы, поясок сформирован еще одним фальцевым швом. Язык колокольчика имеет длину 7,5 см, он сделан из квадратного в сечении железного кованого прута толщиной 0,5 см, размеры утолщения установить сложно вследствие коррозированности металла. Ушко колокольчика имеет вид подпрямоугольной скобы, согнутой из железного листа и имеющей сечение в виде полумесяца.

Широкое распространение железных колокольчиков-ботал крупных (более 8 см) размеров на территории Римской империи и

в особенности на лимесе надежно документировано многочисленными находками. В большинстве случаев они имеют вытянутую, почти цилиндрическую форму, со слегка расширяющимся книзу туловом и подпрямоугольным, реже - округлым сечением (Nowakowski, 1988).

За пределами римского лимеса железные ботала встречены как в памятниках оседлого населения, так и в погребениях. К пер. пол. III в. н.э. относятся ботала из Танаиса (Шелов, 1965, с. 76, рис. 20, цит. по: Обломский, 2004, с. 42), в III-IV вв. они обнаруживаются в культурных слоях поселений черняховской культуры (Смиленко, Брайчевский, 1967, с. 58).

В позднесарматских комплексах можно указать узкие усечено-конические ботала из железа высотой до 7 см в могильнике Покровка 10 (Малашев, 2008, с. 65; с. 281, рис. 157:7, 9), могильнике Сарытау (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 96; с. 90, рис. 30:9) и других памятниках, где они, как правило, встречены наряду с более распространенными бронзовыми экземплярами. Считается, что они имели сакральную функцию (Мошкова, 1989, с. 202), что заметно отличает употребление ботал в среде евразийских кочевников от утилитарного провинциально-римского и черняховского. Вероятнее всего, в древности колокольчики покрывались тонким слоем меди, что зафиксировано на ряде экземпляров по следам медных окислов.

В гуннское время крупные железные колокольчики провинциально-римского типа входят в состав престижного конского снаряжения кочевников. Об этом свидетельствует, например, погребение мальчика-монголоида первой половины V в. на некрополе Беляуса (Айбабин, 2003, с. 21; с. 92, табл. 6:16; Nowakowski, 1988, р. 124), где ботало находилось в составе погребального инвентаря, содержащего золотую серьгу и полихромные детали конского снаряжения. В Подунавье небольшое квадратное в сечении ботало встречено в богатом погребении середины

V в. н.э. в Аквинкуме (территория совр. Будапешта) (Nagy, 2010, р. 146, fig. 5.6). Отдельные железные колокольчики в гуннское время появляются на северной периферии степной зоны. Маленький (3,8×4,6 см) подпрямоугольный в сечении колокольчик найден на поселении Замятино 7 (Обломский, 2004, с. 42; с. 266, рис. 81:8), еще один высотой 10,4 см, подквадратный в верхней и округлый - в нижней части, - на поселении

киевской культуры Ульяновка (Терпиловский, 1984, с. 27).

В V-VI вв. ботала широко распространяются в поселениях Подунавья. Многочисленные экземпляры найдены в слоях позднеимско-ранневизантийского времени в Дичине, Садовце, Новах (Manning, 2019, р. 341, fig. 12.8:87, 92), Горни-Стреоце (Ivanišević, Špehar, 2005, р. 145, fig. 7:1), Вршенице (Ivanišević, 2016, р. 97, fig. 11). Форма ботал в это время становится более разнообразной, встречаются усечено-конические крупные экземпляры (10-15 см), изготовленные из нескольких скрепленных фальцевым швом железных пластин.

С середины VIII в. находки железных ботал распространяются в погребениях культур, связываемых с поволжско-финским населением. Они встречены в погребениях Крюковско-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Пановского, Степановского, Томниковского (Седышев, 2004, с. 32), Лядинского (Альбом древностей..., 1941, с. 11, табл. X:13), Второго Старобадиковского (Петербургский, 1987, с. 74, рис. 17:14) могильников. В муромской культуре ботала известны в Чулковском могильнике (Гришаков, 2013, с. 114; с. 111, рис. 3:13-14; Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 40; с. 68, рис. 13:6). Наиболее вероятным источником распространения этой традиции в мордовских комплексах традиционно считается аланское влияние (Вихляев, 1974, с. 57). Действительно, железные ботала известны в погребениях Дмитриевского и Салтовского могильников (Плетнева, 1967, с. 174), в могильнике Красная Горка (Аксенов, 1998, с. 47, табл. 2). Салтовские, мордовские и муромские ботала довольно близки между собой: они имеют высокие пропорции и почти цилиндрическую форму, плоскую или близкую к плоской голову, что заметно отличает их от комаровского экземпляра. Несмотря на территориальную близость, таким образом, поволжско-финские находки ботал нельзя рассматривать как аналогии комаровскому колокольчику, поскольку они распространяются позднее и имеют иную форму.

Более вероятно, что истоки традиции помещать ботало в погребение, зафиксированной в Комаровке, связаны со степным населением гуннского времени. Ранние экземпляры ботал, обнаруженные в Беляусе и Аквинкуме, имеют иную конструкцию и форму, чем комаровский экземпляр и не могут быть связаны напрямую. Однако наличие близких по форме и конструкции ботал в ранневизантийских

материалах из Подунавья делает возможным предположение, что рассматриваемый колокольчик попал на Среднюю Волгу именно из того региона при посредничестве кочевого населения, которое и выступило источником традиции использования ботал в погребальной практике.

Предметы вооружения из “предполагаемого погребения № 2”.

Наибольший интерес в составе комплекса представляют, безусловно, предметы вооружения, представленные фрагментами железного длинного однолезвийного клинка и наконечником копья.

Однолезвийный длинный клинок¹, с прямым обухом (рис. 2:1,1а,1б,1в).

На момент обнаружения черенок был отделен от клинка, который был свернут 4 раза, о чем свидетельствует устное сообщение находчика и фотографии с сайта кладоискателей (рис. 2:1в). Еще до сдачи в музей клинок подвергся любительской реставрации - его попытались распрямить, в результате чего он был сломан на две части. На настоящий момент, таким образом, предмет представлен тремя фрагментами, два из которых размерами 56 и 24 см относятся к клинковой части, а третья, длиной 7,8 см представляет собой отрубленный в древности черенок изделия (рис. 2:1,1б). Клинок сильно корродирован. Переход от черенка к лезвию с тыльной стороны незначительно расширяется, почти прямой, со стороны лезвия скошен под углом. Сечение черенка прямоугольное, сечение лезвия - треугольное. Общая реконструируемая длина изделия - около 88 см, длина лезвия - 70 см, ширина лезвия - 3,1 см, толщина черенка - 0,6 см, толщина клинка с тыльной стороны 0,7 см (рис. 2:1а). Кончик лезвия скошен по прямой линии к обуху под углом около 45 градусов, практически без закругления. Обкладок рукояти и ножен в составе сданного в музей комплекса не обнаружено.

По данным кладоискательского сайта, с Комаровского могильника происходит еще один комплекс с длинным согнутым однолезвийным клинком, который, однако, не был сдан в коллекцию музея (рис. 4). Судя

¹ Среди оружейников нет единого подхода к наименованию этой категории изделий. В ряде работ употребляется термин “однолезвийный меч”, в других - “палаш”. В связи с существующим терминологическим разнообразием, мы выбрали наиболее нейтральный термин “однолезвийный клинок” (авторы приносят благодарность О.А. Радюшу за консультацию по этому вопросу).

по фотографии, опубликованной на сайте, в состав комплекса входят:

1) железный длинный однолезвийный клинок реконструируемой длиной 86 см, шириной около 3 см. Клинок свернут в три раза, черешок, возможно, отрублен, как и у клинка из “предполагаемого погребения № 2” (рис. 4:1).

2) кольчатые двусоставные железные удила с сильнопрофилированными восьмеркообразными окончаниями звеньев и круглыми трензельными кольцами (рис. 4:2);

3) бронзовое? восьмеркообразное кольцо (рис. 4:8).

3) нож железный с треугольным в сечении лезвием (?), общая длина изделия 17 см, ширина лезвия 1,9 см (рис. 4:3).

4) бронзовые пластины - вытянутая прямоугольная и свернутая - предположительно фрагменты ножен для ножа и меча соответственно (рис. 4:4,5).

5) железный наконечник стрелы трехлопастной, черешок не сохранился (рис. 4: 7).

6) бронзовые круглодротовые браслеты (рис. 4:9,10)

7) бронзовая круглая пластина с четырьмя отверстиями в средней части (рис. 4: 6).

Состав описанного комплекса, учитывая обстоятельства его обнаружения, вызывает закономерные вопросы, однако сам факт обнаружения второго однолезвийного клинка на Комаровском могильнике вряд ли следует подвергать сомнению.

Находки клинкового оружия представляют собой уникальный случай для памятников именьковской культуры, да и вообще для территории Среднего Поволжья V-VII вв. н.э. Исключением является находка фрагмента концевой части однолезвийного клинка, происходящая с селища Новая Беденьга I (Вязов, Семькин, 2016, с. 208, рис. 40-4). Длина сохранившейся части изделия 10 см, ширина 3,2 см, толщина с тыльной стороны 0,8 см. Лезвие сужается под по дуге, сечение треугольное (рис. 5:10).

Однолезвийные клинки известны в большом количестве памятников VI-VII вв. и подвергались обстоятельному изучению рядом исследователей (Гавритухин, Иванов, 1999).

Поиск аналогий клинку из Комаровки показал, что на территории Центральной и Восточной Европы и Сибири существует несколько регионов концентрации находок

длинных однолезвийных клинков VI-VII вв. н.э.

На территории Волго-Уральского региона известно всего несколько аналогичных клинков в материалах бахмутинской и турбаслинской культур. Один из них найден в Бирском могильнике в п. 206 (Мажитов, 1968, с. 150, табл. 28-1). Н.А. Мажитов относит данное погребение к наиболее поздней группе на могильнике VI-VII вв. (Мажитов, 1968, с. 43-44), по А.К. Амброзу данное погребение относится к четвертой группе, то есть к VII веку (Амброз, 1980, с. 39-40, рис. 14-5). Однолезвийные и двулезвийные мечи без навершия и перекрестия известны в материалах турбаслинской культуры, длина изделий варьируется в диапазоне 76-86 см (Сунгатов, 1998, с. 73, рис. 12-9,10). Ф.А. Сунгатов относит турбаслинские погребения с мечами к третьему комплексу сопряженных предметов, хронологические рамки которого ограничивает второй половиной VI - первой половиной VII вв (Сунгатов, 1998, с. 86). Комплексы с длинными однолезвийными мечами в Волго-Уралье, таким образом, единичны, а сами комплексы плохо датированы.

Существенно больше однолезвийных клинков известно в Западном Поволжье и Поочье. Однолезвийные мечи на этих территориях специально исследовались И.Р. Ахмедовым (Ахмедов, 2014; Ахмедов, 2019), который выделяет два типа длинного клинкового оружия у рязанских финнов в VI в.:

1) Однолезвийные мечи, которые имеют диапазон длины 62-68 см, за редкими исключениями в восточной части ареала - более 70 см в Безводнинском и Ахмыловском могильниках. Этот тип мечей восходит представляет собой развитие местных серий в условиях сокращения импорта (Ахмедов, 2019, с. 33-35). В дальнейшем мечи данного типа могли послужить прототипом для формирования однолезвийных мечей второй половины/конца VI - VII в. (Ахмедов, 2019, с. 33)

2) Однолезвийные мечи длиной

75,5-91,7 см, двух типов: а) мечи с плавно закругляющимся концом лезвия и б) с косо срезанным концом (Ахмедов, 2014, с. 278). Автор отмечает 11 находок с памятников в разных частях ареала культуры рязано-окских могильников, в том числе Никитинский (Ахмедов, 2010, с. 28, рис. 9-17), Старо-Кадомский (Ахмедов, 2010, с. 22, рис. 3-30), погребение кочевника в Арцыбашево (Ахмедов, 2010, с. 32, рис. 13-33) и т.д.

На территории степной зоны длинно-клинковое оружие входит в состав комплексов вооружения памятников типа Сивашовки 40-х-70-е гг. VII в., однако число находок также немногочисленно (Голубев, 2015, с. 74).

Наибольшая концентрация находок длинных однолезвийных клинков в Центральной Европе в VI-VII вв. н.э. наблюдается на территории Карпатского бассейна. Здесь известно 135 экземпляров, большей частью принадлежащих к раннеаварскому периоду - 90 экземпляров. К среднеаварскому периоду относится 16 экземпляров, позднеаварскому - 25 экземпляров. Мечи раннеаварского периода в основной массе происходят из Трансданубии (44,8%), междуречья Дуная и Тисы (34,6%) и Затисья (20%) (Csiky, 2015. P. 181).

Таким образом, на территории Европы наибольшее число длинных однолезвийных клинков, типологически близких найденному в Комаровке, обнаруживается в древностях раннеаварского периода, то есть конца VI-начала VII в.

Истоки распространения длинных однолезвийных клинков вряд ли возможно искать в развитии местных серий, восходящих к лонгсаксам. Широкое распространение новой категории оружия свидетельствует в пользу его распространения в ходе масштабных событий, связанных с миграциями и войнами периода Первого тюркского и аварского каганатов. Это указывает на территорию Сибири и Алтая как на возможные истоки длинных однолезвийных клинков.

Этот вид оружия известен в древностях Южной Сибири на памятниках булан-кобинской культуры 2-й пол. IV - 1-й пол. V в. н.э. и одинцовского этапа верхнеобской культуры конца IV - V вв. в лесостепной части Алтая. Стоит отметить что на Алтае однолезвийные мечи без перекрестий имеют дисковые или кольцевые навершия, однако известны находки и без них (Горбунов, 2006, с. 63-64, 194). Более поздние находки происходят со Средней Оби из могильника Рёлка VI-VIII вв. Интересно отметить, что рёлкинские клинки были обнаружены в погребениях с трупосожжениями, датирующихся VII в., и подверглись преднамеренному повреждению - были сложены пополам. Клинки имели кольцевые навершия (Чиндина, 1977, с. 27-28, рис. 6, 24).

Таким образом, на территории Восточной Европы длинные однолезвийные клинки получают распространение во второй половине VI в., в период аварских и тюркских завое-

ваний и образования Первого Тюркского каганата. Этот тип клинкового оружия становится господствующим в VII в. н.э., когда он широко распространяется в степных погребениях и у населения Аварского каганата.

Наконечник копья (рис. 2:2,2а,2б).

Наконечник копья, входящий в комплекс “предполагаемого погребения № 2” Комаровского могильника, имеет вытянутое листовидное перо с плавным, без заметных плечиков переходом к втулке. Длина пера примерно равна длине втулки и составляет 13,3 см; ширина пера в месте максимального расширения - 3,6 см, общая длина сохранившейся части наконечника - 25 см. Сечение пера – уплощенно-ромбовидное. Наконечник был преднамеренно плавно изогнут, а затем дополнительно резко согнут в районе наибольшего расширения пера. Максимальное расширение пера находится около его середины. максимальный диаметр втулки – 3,6 см, края втулки у её основания разошлись на 1 см.

Копья, хоть и редко, встречаются на территории именьковского расселения. Они относятся к нескольким типам (типология копий дается по: Матвеев, 2013).

Наиболее распространенными являются наконечники копий двушипной формы (тип VI по Р.В. Матвееву). Такие находки известны на Коминтерновском селище “Курган” (рис. 5:7), Щербетьском I островном селище (рис. 5:6) (Старостин, 1967, с. 77, табл. 15: 13, 16). По сведениям, происходящим с интернет-сайтов кладоискателей, еще одна такая находка была сделана на селище, примыкающем к Ундоровскому IV городищу (Никитина, 2017, с. 67; с. 74, рис. 1:14). Еще один такой наконечник из именьковского ареала происходит с селища, примыкающего к Алатырскому I городищу в Среднем Посурье (рис. 5:8) (Вязов и др., 2016, с. 70-71), керамика из сборов с этого памятника отличается от именьковской, а с городища происходят находки, не характерные для именьковской культуры (Вязов и др., 2016, с. 88, рис. 3:5). Двушипные наконечники копий широко распространены в Среднем Поволжье и Прикамье в I тыс. н.э., они известны в материалах практически всех культур региона (Матвеев, 2013, с. 82-83; рис. 17: тип VI).

Второй тип копий (тип II.2 по Р.В. Матвееву), встречающихся в именьковских материалах - наконечники с широким ромбовидным пером. Такие копья были найдены на городище Ош-Пандо, где П.Д. Степановым в культурном слое было выявлено два наконечника

копий (рис. 5:4,5). Один из них (рис. 5:5) был обнаружен в составе клада железных изделий, включавшего в себя также багор (видимо, Степанов, 1967, с. 204, табл. XVIII:3) и крупное шило, а второй (рис. 5:4) - “торчал втулкой вверх близ западного края городища” (Степанов, 1967, с. 83). Копья имеют асимметрично-ромбовидное перо и втулку, длина которой несколько меньше длины пера. Ошпандинские копья находят множество аналогий в мордовских могильниках (Циркин, 1984, с. 125-126) и имеют широкую хронологию бытования.

Еще тип именьковских наконечников древкового оружия представлен единственным экземпляром, который был выявлен раскопками 2020 г. на Жигулевском II селище в окрестностях г. Жигулевска на Самарской Луке в составе комплекса погребения 4² (рис. 5:1). Он имеет узкое ланцетовидное перо и слабо выраженные плечики, переход от пера к конусовидной втулке плавный. Максимальное расширение пера приходится на нижнюю треть, т.е. расположено ближе к втулке. Сечение пера – уплощенно-ромбовидное, после реставрации стало заметно ребро, проходящее от основания пера до его острия. Общая длина наконечника – 24,2 см, ширина пера – 2,5 см, толщина (максимальное значение поперечного сечения) пера – 0,5 см, длина втулки –

13,3 см, максимальный диаметр втулки – 3,3 см. Края втулки у её основания разошлись на ¼ её длины. Примечательно, что между погребением 4 и соседним погребением 2 был обнаружен жертвенник в виде нижних частей двух ног лошади, что вместе с удилами и копьём перекликается с своеобразным мотивом воинских захоронений Волго-Камья, в частности Тарасовского (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015) и Тураевского (Голдина, Бернц, 2010) могильников, включавших характерный набор: оружие (в том числе и, довольно часто, копьё) + конская упряжь. Копья с пером ланцетовидной формы традиционно относят к категории кавалерийских пик. По классификации аварского оружия, наконечник относится к типу P.I.B/3.a (simple reed-shaped blade, the length of the blade and the socket are equal, with cleft socket), наиболее распространенному в раннеаварский период в Трансданубии и выходящему из употребления позднее (Csiky, 2015, p. 36, fig. 4; p.

² Авторы выражают благодарность автору раскопок П.П. Барынкину за возможность публикации комплекса находок из погребения.

87). Близкие формы наконечников широко распространены у населения салтовской культуры (Виноградов, 2017, с. 87). В лесной зоне подобные пики становятся известны в древнемордовской культуре и в Прикамье только в VIII в., когда их распространения происходит в результате салтовского влияния (Циркин, 1984, с. 126-127; Голдина и др., 2018, с. 610). В Среднем Поволжье этот тип наконечников широко распространяется также только в раннеболгарский период (Измайлов, 1993).

Следует остановиться еще на одном наконечнике копья, традиционно относимом к именьковской культуре и происходящем с Именьковского I городища (рис. 5:9) (Калинин, Халиков, 1960, с. 245, рис. 7:6). Копье имеет длинное (39 см) перо иволжистой формы и короткую узкую втулку диаметром 2 см (наиболее близкая форма - тип V по Матвееву). Аналогии этому наконечнику можно подобрать в центральноевропейском вооружении. Так, в пшеворской культуре подобные копья обнаруживаются в погребениях стадии C1/D, соответствующей 2 пол. III - 1

пол. IV вв. н.э. (Kontny, 2008, p. 133). Если предложенное сопоставление верно, то копье, возможно, следует относить не к именьковскому, а к более раннему, азелинскому слою на памятнике. Этот слой может быть датирован в пределах конца II-IV вв. (без последней четверти IV в.) как на основании находки фрагмента лапчатой подвески (Калинин, Халиков, 1960, рис.9: 4; Лещинская, 2014, с. 189, табл. 92:17), так и исходя из хронологии существования нижнекамских азелинских памятников в целом (Галимова и др., 2019, с. 204). До получения данных, подтверждающих либо опровергающих именьковскую принадлежность данного наконечника, рассматривать его в ряду предметов именьковского вооружения преждевременно.

Что касается наконечника копья из Комаровки, то его можно отнести к типу III.2 по Р.В. Матвееву - листовидным наконечникам с пером и втулкой близких размеров, имеющим широкие аналогии в древностях Восточной Европы I тыс. н.э. (Матвеев, 2013, с. 76-77).

Таким образом, большая часть наконечников копий относится к типам с широким ареалом и хронологическими рамками распространения. Вместе с тем, следует отметить, что наконечники копий известны только с памятников, которые функционировали на позднем этапе существования именьковской культуры. Один наконечник выглядит исклю-

чением из этого правила: это узкая ланцетовидная пика, аналогии которой в VI-VII вв. на территории Среднего Поволжья не известно. Ближайшие аналогии наконечнику обнаруживаются в раннеаварских материалах Прикарпатья. Точная датировка комплекса, из которого происходит наконечник, затруднительна; удила из его состава аналогичны комаровским.

Фрагмент ножа (рис. 2:4).

Сохранившаяся часть железного ножа с клиновидным в сечении лезвием имеет длину 12,2 см, ширину 2,2 см, толщину спинки 0,4 см. Переход от черешка к клинку оформлен в виде уступов со стороны спинки и лезвия, с небольшим смещением относительно друг друга. Утрачена часть клинка с острием, предмет корродирован.

Как правило, ножи хозяйственно-бытового назначения, происходящие с поселенческих памятников именьковской культуры имеют длину около 10-12 см, рассматриваемый же предмет, учитывая утраты, явно намного превосходит эти параметры. По видимому, его следует относить к разряду боевых. Выделение боевых или охотничьих ножей в отдельную категорию по длине, превышающей 12 см была предложена С.М. Васюткиным и Т.И. Останиной на материалах мазунинской культуры (Васюткин, Останина, 1986, с. 74). Дополнительным аргументом для такой интерпретации анализируемого ножа является его принадлежность к комплексу с другим оружием.

Ближайшая аналогия данному ножу происходит, по-видимому, из другого разрушенного кладоискателями погребения с клинком (см. выше). Судя по доступной фотографии, этот нож имеет аналогичную форму, его общая длина составляет 17 см, а ширина лезвия 1,9 см (рис. 4:3).

Территориально ближайшей находкой, близкой по форме и размерам, можно назвать нож из шурфа 3 на селище Новая Беденьга I. Длина сохранившейся части ножа 15,5 см, ширина лезвия 2 см, переход от черешка к клинку в виде уступов, как со стороны лезвия, так и со стороны спинки (рис. 5:19). В этом же шурфе на площади 4 м² обнаружены: железная В-образная пряжка с прямоугольной в сечении рамкой и с загнутым язычком, пряжка овальной формы с прямоугольной в сечении рамкой и с загнутым язычком, пряслице усеченно-биконической формы с орнаментом в виде мелких насечек по ребру и верхним

граням, чашевидная миска высоких пропорций (Вязов, Семькин, 2016, С. 34, с. 178, рис. 9Б).

Находки ножей в погребениях именьковской культуры - большая редкость. Ножи встречаются только в погребениях с ингумациями Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998; Казаков, 2011) и только трижды во всем ареале культуры встречены в кремационных погребениях: в погребениях 39 и 64 Маклашеевского V могильника (Старостин, 1988; Старостин, Чижевский, 2006) и погребении 108 Рождественского II могильника (Генинг и др., 1962). Ножи из погребения 108 Рождественского II могильника и погребения 64 Маклашеевского V могильника имеют размеры, не превышающие 10 см в длину и могут быть отнесены к разряду хозяйственных (Генинг и др., 1962, с. 113, Табл. XVI-18; Старостин, Чижевский, 2006, с. 178, рис. 5-1).

Нож из погребения 39 Маклашеевского V могильника представляет собой, по всей видимости, самый крупный экземпляр боевого ножа именьковской культуры - длина сохранившейся части 16,7 см, ширина лезвия 3 см, толщина 0,4 см. Часть клинка и черешок утрачены (рис. 5:11). В погребении также найдены фрагменты лепных сосудов.

В Коминтерновском II могильнике ножи найдены исключительно в погребениях с ингумациями. Всего с памятника происходят 13 ножей, 9 из которых можно отнести к хозяйственным (ножи из погребений 4, 6, 8, 23, 26, 44, 53, 54, 62) и четыре предмета, которые можно отнести к боевым ножам и кинжалам (погребения 46, 62, 66, 84). Два ножа найдено в воинских погребениях 62 и 66, материалы которых в настоящий момент готовятся к публикации Е.П. Казаковым.

Нож с остатками ножен из погребения 46 (рис. 6:19) описан в тексте полевой документации как "железный нож с остатками деревянных ножен обитых бронзовой обоймой" (Казаков, 1993. С. 18); к сожалению, обнаружить его в коллекции не удалось. Длина, которую можно реконструировать по публикации предмета, составляет около 30 см, ширина вместе с остатками ножен (?) - 3,3 см, форму клинка восстановить не представляется возможным (Казаков, 2011, с. 32, рис.10:19). Комплекс находок в погребении включает в себя поясную гарнитуру "шиповского" круга (рис. 6:1-3, 6-13, 20-25), уздечный набор (рис. 6:17) и серебряные пластинчатые накладки седла (рис. 6:4). Датировка комплек-

са возможна в пределах 430/470-530/570 гг. (Казанский, Мاستыкова, 2010, с. 93; с. 94, рис. 1:7), И.О. Гавритухин относит дату появления поясов с четырехлепестковыми накладками в Поволжье к середине - второй половине VI в. (Гавритухин, Иванов, 1999, с. 107; Гавритухин, 1999, с. 191-194).

Лучше всего сохранился кинжал из погребения 84 Коминтерновского II могильника (рис. 5:12). Предмет фрагментирован (отсутствует центральная часть клинка), корродирован. Размеры фрагментов: черешок - длина 6 см, ширина 2,1 см; средняя часть клинка - длина 8,1 см, ширина 2,7 см; острие - длина 7 см, ширина - 2,1 см. толщина черешка около 0,4 см, толщина клинка - 0,3 см. Спинка ровная, со стороны лезвия при переходе от черешка к клинку выступ. Вместе с кинжалом сохранились железные фрагменты ножен U-образной формы, состоящие из тонкой пластины с загнутыми краями. Среди других находок погребения 84 - бронзовая утолщенная калачиковидная серьга с позолотой, остатки сложносоставного лука с костяными накладками, трехлопастные железные наконечники стрел и одноручный кувшин, покрытый полосчатым лощением (рис. 5:13-18) (Казаков, 2011, рис. 11-12). Ближайшие аналогии серьге (рис. 5:16) обнаруживаются в Верхнем Погромном и в Шипово, к.2 (Богачев, 1996, с. 110, рис. 4). Таким образом, время совершения погребения определяется так же, как и у погребения 46.

За пределами именьковской культуры боевые ножи встречаются довольно широко. В Прикамье они входят в состав не только мужского, но и женского убранства VI-VII вв. (Голдина и др., 2018, с. 600, табл. 444:; 602, табл. 446: 6-10). Часто встречаются боевые ножи в погребениях с оружием и в могильниках армиевского типа (Полесских, 1979, с. 35, рис. 2:8; с. 38, рис. 24:3,7, с. 40, рис. 25:4).

Таким образом, крупные ножи (более 12 см) были важной частью воинского снаряжения именьковского населения. Они встречены в мужских погребениях с оружием и конским снаряжением. В погребениях Коминтерновского II могильника боевые ножи являются единственным клинковым оружием, в Комаровском могильнике они дополняют длинные однолезвийные клинки. На основании анализа погребального инвентаря погребения с ножами на Коминтерновском II могильнике относятся к середине-второй половине VI в.

Погребальный обряд

Учитывая, что анализируемый комплекс предметов происходит из недокументированных раскопок, детали погребального обряда установить затруднительно. Находчик сообщал о наличии мелких кальцинированных костей в месте обнаружения предметов, однако, как показали дальнейшие раскопки, мелкие кости могут встречаться и в межмогильном пространстве вследствие перемешанности слоя пахоты и землероями. С другой стороны, в раскопах 2015-2019 гг. встречены захороненные комплексы вещей, не содержавшие кремированных костей вовсе. В значительной части исследованных на настоящий момент погребений кости сильно измельчены (Вязов, Петрова, 2013).

Как уже говорилось выше, все предметы, поступившие в коллекцию музея, несут следы преднамеренной порчи в древности. В отношении одного предмета могли быть использованы сразу несколько способов порчи: так, у меча была сначала отрублена рукоять, а потом он был, вероятно, нагрет и согнут несколько раз. Крышки коробочек-булл были предварительно расплющены, а затем - собраны вместе и согнуты пополам, и т.д. Последующие раскопки показали, что подобные действия типичны для погребального обряда населения, оставившего Комаровский могильник.

Некоторые предметы несут на себе воздействие огня. Так, следы оплавленности зафиксированы на круглодротовой гривне и на одном из браслетов. При этом, крышки от коробочек-булл и фрагменты фибул не были помещены в погребальный костер, где они бы неизбежно деформировались или полностью расплавились. В других захоронениях могильника наблюдается похожая картина: предметы из тонкого медного листа как правило разрушены (сломаны, согнуты или разрезаны), но далеко не все из них оплавлены, бусы встречаются как оплавленные или пережженные, так и неповрежденные и т.д.

Наконец, в составе комплекса значительная часть вещей представлена не полностью: отсутствуют некоторые детали фибул, части гривен и т.д. Такую неполноту можно было бы списать на обстоятельства извлечения комплекса из земли, но материалы других погребений свидетельствуют о том, что во многих случаях в могилу помещались не все обломки изделий.

Таким образом, можно выделить следующие достоверные элементы погребального обряда:

- безурновый характер захоронений;
- относительно богатый и разнообразный погребальный инвентарь;
- преднамеренная порча погребального инвентаря: разрубание и сгибание крупных предметов, в частности - оружия;
- частое использование принципа *pars pro toto*;
- периодически практиковавшееся положение погребального инвентаря на погребальный костер или рядом с ним.

В целом, такой набор признаков вполне позволяет относить анализируемый комплекс к погребениям именьковской культуры, но с существенной оговоркой: ни в одном другом могильнике именьковского населения не зафиксировано предварительно поврежденное оружие.

Поиски параллелей такому обряду представляют существенную проблему. Учитывая историографическую традицию поиска истоков именьковской культуры в материалах полей погребений (Матвеева, 2003), возможным источником традиции кремаций с преднамеренного поврежденным оружием могла бы выступить пшеворская культура. Действительно, в пшеворских могильниках такие кремации хорошо известны. Однако попытка такого сопоставления натывается на очевидные хронологические проблемы и обрядовые нестыковки. Так, оружие содержится в захоронениях с урновыми кремациями, а в Среднем Поволжье урновые кремации в принципе неизвестны; в пшеворских погребениях все вещи несут следы пребывания в огне, а в Комаровке воздействие погребального костра очень избирательно, здесь отсутствует типичная для пшеворских могильников фрагментированная вторично обожженная и ошлакованная керамика и т.д. Далее, даже внешнее сходство Комаровский комплекс обнаруживает не с позднейшими пшеворскими погребениями, а с погребениями стадии В/С (Godłowski, 1970). На позднем этапе развития пшеворских погребальных традиций, уже в фазе С2 и особенно в фазе D, изменения обряда приводят к появлению могильников добродзеньского типа, для которых характерна смена индивидуальных погребений т.н. "культурным слоем", либо к смене ямных захоронений урновыми (Godłowski, 1981, s. 106-120). Кроме того, общее число погребений с оружи-

ем в фазе C2/D существенно уменьшается по сравнению с предшествующим временем (Kontny, 2005. P. 133).

За пределы пшеворского ареала традиция помещения в погребения преднамеренно поврежденного оружия изредка встречается в кремациях черняховской культуры с пшеворскими чертами. Таких погребений насчитывается немного, всего около двух десятков на весь массив исследованных черняховских захоронений; их хронологические рамки не выходят за пределы IV в. (Магомедов, 2001, с. 34).

В гуннское время отдельные погребения с преднамеренно поврежденным оружием встречаются в Прикарпатье, они найдены в Артанде, Чонград-Кендерфельдек, Хоргоше и Канкасе / Канкайнене (Tejral, 1999; P. Kontny, 2015), Кэпусу-Маре (Dobos, 2009). Большинство этих погребений содержат мечи “восточного” типа или иные элементы, происхождение которых на территории Подунавья можно связать со “степным” влиянием. Эта группа погребений, по-видимому, была оставлена восточногерманской воинской элитой, вовлеченной в процессы Великого переселения народов; некоторые категории артефактов маркируют ее дальнейший путь к Рейну (Ołędzki, Tyszler, 2019, p. 205-206).

Новый этап распространения кремаций с преднамеренно поврежденными вещами, в том числе - оружием, начинается в Евразии со второй половины VIII в. В это время такие погребения распространяются в ареале салтовской культуры, где они исследованы на многих памятниках, некоторые из которых подробно опубликованы (Сухогомольшанский могильник в Подонцовье (Аксенов, Михеев, 2006), в Дюрсо (Дмитриев, 2003, с. 203) и др.) и др. Несмотря на существенные различия в деталях, у кремаций салтовского времени есть ряд общих черт. Это преднамеренное повреждение погребального инвентаря; помещение вещей не внутри пережженных костей, а рядом с ними, либо сопровождение погребения отдельным набором инвентаря в “тайнике”, “поминальном комплексе”; высокий процент захоронений с оружием, среди которых встречаются как урновые, так и безурновые.

Очевидно, что появление согнутого однолезвийного клинка в кремации из Комаровки в силу хронологической невозможности не может быть объяснено распространением традиции, прослеженной в Сухой Гомольше

и Дюрсо. Похоже, что к западу от Урала нет более ранних (VI-VII вв.) кремаций с поврежденным оружием. Однако, такой обряд фиксируется восточнее, в Среднем Приобье, в материалах рёлкинской культуры, не позднее VII в. н.э. Погребальные и поминальные комплексы Рёлкинского могильника, содержащие поясные накладки в геральдическом стиле, включают в себя согнутые длинные однолезвийные мечи. Интересно, что погребения, содержащие поврежденное оружие, совершены по обряду кремации (Чиндина, 1977, с. 11-12, 20, 92-93), не характерном для основной массы рёлкинских погребений. Возможно, что появление этого обряда на Средней Оби связано с каким-то южным импульсом – не исключено, что тем же, который вызвал инновации в погребальных традициях у населения Средней Волги.

Таким образом, на сегодняшний день генезис погребального обряда Комаровского могильника остается совершенно неясным. Очень вероятно, что базовой, субстратной основой для его формирования послужили традиции населения именьковской культуры (формирование традиций именьковского погребального обряда само является неразрешенной проблемой, однако этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей статьи). Что же касается помещения в погребения преднамеренно поврежденного оружия, то этот обычай выглядит инновацией для именьковского населения. Хронологически наиболее близкие параллели можно усмотреть в рёлкинских погребениях Среднего Приобья. Вполне вероятно, что распространение кремаций с поврежденным оружием в рёлкинской среде происходит под влиянием тех же причин, что и в Комаровке. В этом убеждают синхронность процессов и сходство возникающих инноваций.

Что касается возможных сопоставлений с салтовскими кремациями второй половины VIII-IX вв., то для этого нет ни хронологических, ни культурных, ни сравнительно-аналитических оснований. Исследованные в последние годы в Среднем Поволжье кремационные погребения конца VII-IX вв. н.э. на Жигулевском археологическом комплексе (Сташенков, 2014; Кочкина, Сташенков, 2018; Сташенков, Салугина, 2017; Сташенков и др., 2019) не содержат предметов вооружения, не прослеживается и обряд преднамеренной порчи вещей (Сташенков, 2014). Что же касается лесной зоны, то в могильниках культур,

связываемых с поволжскими финнами, кремации с поврежденным оружием единичны и датируются намного более поздним временем. Так, погребение с согнутым вдвое мечом в Шокшинском могильнике относится к концу X в. н.э. (Шитов, 1990, с. 24; 1992).

Хронология и культурная принадлежность комплекса “предполагаемого погребения № 2”.

Набор артефактов из “предполагаемого погребения № 2” Комаровского грунтового могильника представляет собой уникальный для именьковской культуры памятник, характеризующий культурные связи оставившего его населения. Несмотря на то, что обстоятельства его обнаружения не были надлежащим образом документированы, артефакты, входящие в его состав, с большой долей вероятности могут расцениваться как единый комплекс.

Время его предполагаемого сложения может быть определено на основании анализа входящих в его состав артефактов. В целом, этот набор относится к периоду до начала распространения геральдических поясных гарнитур или к самому началу времени их распространения. Двупластинчатые фибулы (рис. 3:1-8), находящие аналогии в фибулах раннего периода могильника Дюрсо, вряд ли могут переживать середину VI в. н.э. В пределах VI столетия могут быть датированы коробочки-буллы (рис.3:14-15), также имеющие аналогии в материалах Северного Кавказа. Некоторую хронологическую информацию дают также удила (рис. 2:5), которые, судя по имеющимся аналогиям, должны относиться к VI, может быть, самому началу VII столетий. На то же время указывает и рамка В-образной железной пряжки (рис. 3:9). Что касается длинного однолезвийного клинка (рис. 2:1), то наибольшее распространение такого оружия относится к последней трети VI-началу VII вв. Таким образом, время формирования комплекса можно отнести к середине-второй половине VI в. н.э.

Что касается культурной принадлежности комплекса, то она сочетает в себе черты различных традиций. Основные черты обряда вполне соответствуют нашим представлениям о погребальных традициях именьковской культуры, парные фибулы также являются чертой именьковского костюма. Наличие в погребальном комплексе коробочек-булл, положенных в качестве посмертного подношения, сближает комплекс с северокавказ-

скими (аланскими?) погребениями. Ботало (рис. 2:3) в составе погребального инвентаря характерно для степных кочевников гуннской и постгуннской эпохи. Наконец, помещение в погребение преднамеренно разрушенного оружия находит ближайšie по времени параллели в Приобье говорит о культурном влиянии какого-то западносибирского или даже более восточного населения, того же, что оказало воздействие на изменения в погребальном обряде рёлкинской культуры.

Таким образом, имеющиеся сведения о комплексе вполне позволяют интерпретировать его как одно из погребений именьковской культуры, относящееся ко второй половине VI в. н.э., с яркими чертами, нехарактерными для большинства именьковских комплексов и отражающими распространение в именьковской среде новых традиций южного и восточного “степного” происхождения.

Некоторые соображения относительно оружия ближнего боя населения именьковской культуры.

Набор предметов вооружения, предназначенных для ближнего боя, в материалах именьковской культуры крайне ограничен и представлен наконечниками копий, однолезвийными мечами и боевыми ножами (рис. 7).

Наконечники копий составляют самую многочисленную категорию. Всего известно на настоящий момент 9 экземпляров, которые в разное время относились исследователями к именьковской культуре (рис. 2:2, рис. 5:1,4-9). Из состава этой группы именьковскими являются только три: Комаровка (рис.2:2), Жигулевск (рис. 5:1) и Ош-Пандо (рис. 5:5)); принадлежность еще четырех - под сомнением (второе копьё из Ош-Пандо (рис. 5:4), наконечники из Коминтерновского поселения “Курган” (рис. 5:7) и Щербетьского островного селища (рис. 5:6), копьё из грабительских сборов в окрестностях Ундор (Никитина, 2017, с. 74, рис. 1:14); наконец, еще два (Алатырское I (рис. 5:8) и Именьковское I городища (рис. 5:9)), скорее всего, не связаны с именьковским населением. Наконечники представлены четырьмя типами: а) с двушипным пером (находки в окрестностях Коминтерна, Щербети, Ундор), б) с массивным широким ромбовидным пером (Ош-Пандо), в) с листовидным пером (Комаровка) и в) с узким ланцетовидным пером (Жигулевск). Все случаи находок наконечников не с двушипным пером относятся ко времени не ранее VI в. н.э., в ранне-именьковских материалах они неизвестны.

Относительно хронологии двушипных наконечников копий сложно сказать что-либо определенное, поскольку все они происходят из сборов. Только наконечник из Щербети можно более-менее определенно связывать с именьковским населением, поскольку там, где он был найден, памятники других культур попросту неизвестны; в окрестностях Коминтерновского «Кургана» есть находки азелинской культуры, где двушипные наконечники хорошо известны, а культурно-хронологическая принадлежность селищ в окрестностях Ундор нуждается в специальном исследовании.

Мечи в именьковских древностях представлены единственным доступным для изучения экземпляром, происходящим из “предположительного погребения №2” Комаровского могильника (рис. 2:1), а также сведениями о еще одном клинке, находящемся у кладоискателей (рис. 4:1).

Еще одним элементом боевого снаряжения был крупный (до 30 см длиной) нож или кинжал. Всего в именьковских древностях известно не менее шести ножей, они встречены в нескольких могильниках (рис. 2: 4, рис. 4: 3, рис. 5: 11, 19, рис. 6:19), единственный кинжал - в Коминтерновском II (рис. 5: 12).

Неясно, можно ли включать в состав оружия ближнего боя многочисленные топоры (Вязов, 2012; Никитина, 2017, с. 77, рис. 4:Б; с. 78, рис. 5:4,5; Руденко, 2014), известные в материалах именьковской культуры. Контекст их обнаружения (в кладах железных изделий и хозяйственного инвентаря, в культурных слоях поселений) свидетельствует скорее об их хозяйственно-утилитарном использовании.

Складывается впечатление, что в рамках именьковской культуры прослеживаются два комплекса вооружения, различающиеся географией и временем распространения.

Первый комплекс представлен материалами памятников “коминтерновского типа” Западного Закамья и других именьковских памятников волжского Левобережья. Население этого региона ориентировалось в первую очередь на оружие дистанционного поражения - лук и стрелы (Казаков, 1998; 2011). Многочисленные железные трехлопастные наконечники стрел “гуннского типа” являются распространенной находкой на именьковских памятниках этого региона, известны и костяные накладки на лук. Что касается оружия ближнего боя, то оно представлено (если

можно так сказать) только боевыми ножами и единичными находками двушипных наконечников копий. Такой комплекс вооружения типичен для степных кочевников гуннского и постгуннского времени.

Второй комплекс вооружения (можно предложить для него название “комаровского типа”) наряду с луком и стрелами включает в себя оружие ближнего боя, в том числе - конного. В него входят длинные однолезвийные клинки и копья, с ним, вероятно, также связаны находки панцирных пластин на городищах Ош-Пандо (Степанов, 1967. С. 207, табл. XXI:17, 18) и Кармалы (Богачев и др., 2013. С. 156, рис. 18: 1). Лук и стрелы также занимают значительное место в оружейном наборе: накладки на лук известны в материалах позднеименьковских памятников Ивановского городища “Шолм” (Вязов и др., 2016), селища Малая Кандарать I (Степанов, 1971) (рис. 7).

Распространение оружия ближнего боя в именьковской культуре происходит с середины VI в. н.э. и сопровождается появлением новых элементов в погребальном обряде, что, возможно, отражает культурные связи и миграционные процессы. В именьковских могильниках появляются “воинские” погребения, содержащие оружие и многочисленные (по именьковским меркам) украшения и детали костюма. На настоящий момент этот комплекс оружия известен только на памятниках волжского Правобережья. Что же касается Закамья и группы памятников типа Коминтерна, то у оставившего их населения в середине-второй половине VI в. продолжают развиваться традиции более раннего времени.

По-видимому, в середине-второй половине VI в. в Среднем Поволжье происходит формирование нескольких групп именьковского населения (Vyazov, 2016), ориентированных на различные направления культурных связей. Результатом этого становится распространение в различных группах специфических типов импортных изделий, в первую очередь, украшений, деталей костюма и оружия. Так, в Коминтерновском II могильнике зафиксировано большое количество янтарных бус, мужские поясные наборы представлены предметами “шиповского” круга и т.д., в Правобережье же, в Комаровском комплексе и других поздних памятниках, распространяется оружие ближнего боя, буллы, двупластинчатые фибулы, а позднее - предметы в геральдическом стиле.

Источники культурных влияний, вызвавших формирование комплекса оружия ближнего боя у населения именьковской культуры волжского Правобережья, на сегодняшнем уровне исследованности вопроса однозначно определить затруднительно. Вероятно, они связаны с миграциями и военно-политическими событиями середины VI в., связанными с формированием Тюркского и - особенно - Аварского каганатов. Участием средневожского населения в аварских походах можно было бы объяснить появление в регионе оружия, элементов конского снаряжения и украшений дунайского и северокавказского происхождения, а также инноваций в погребальном обряде. Об этом же направлении культурных связей свидетельствуют и ряд других находок: золотые колты с зернью (Balogh, 2012; Вязов, Семькин, 2016), престижные изделия из т.н. “Коминтерновского (Бура-

ковского) комплекса” (Баранов и др., 2016. С. 22-30), серьги аварского типа в погребениях конца VII в. в Среднем Поволжье (Богачев, 1996, с. 103) и др.

Таким образом, открытия последних лет, полученные в результате археологических исследований в Татарстане, Ульяновской и Самарской областях, делают возможной постановку проблемы изучения оружия именьковской культуры, многие годы считавшуюся бесперспективной в силу отсутствия источников. Именьковское население на глазах теряет свой статус “достойного презрения из-за [слабости их] оружия”, но “могущественного благодаря своей многочисленности” (Иордан, Гетика, 119), Безусловно, что высказанные предположения носят предварительный характер и будут скорректированы с появлением новых находок.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Крым в середине III - начале VI века (период миграций) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. М.: Наука, 2003. С. 10–26.
- Альбом древностей мордовского народа / под ред. Института истории Академии наук СССР. Саранск: Издание Мордовского научно-исследовательского института, 1941. 137 с.
- Аксенов В.С.* К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжением Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник Харківського державного університету. 1998. № 413: Історія. Вип. 30. С. 39–51.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII-X вв.» / Хазарский альманах. Т. 5. Киев-Харьков, 2006. 308 с.
- Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Амброз А.К.* О двупластинчатых фибулах с накладками - аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 107–120.
- Ахмедов И.Р.* Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7–34.
- Ахмедов И.Р.* Клинковое оружие рязанских финнов во II-VII вв. // Труды IX (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 275–279.
- Ахмедов И.Р.* Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н. э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 23-71.
- Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т.2. История тюрко-болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 191 с.
- Богачев А.В.* К эволюции калачиковидных серег IV-VII вв. в Волго-Камье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99–114.
- Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В.* Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 119–163.

Бугров Д.Г. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции женской одежды именьковской культуры (по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. С. 227–233.

Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1985. С. 111–130.

Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Валиев Р.Р. Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. Книга 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник - памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.

Введенский В.И., Вязов Л.А., Каравашкина Е.А. Макарова Е.М., Панин А.В., Петрова Д.А. Пономаренко Д.С., Харченко В.Л. Исследования в Ульяновском Предволжье // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 297–299.

Виноградов С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Дисс. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2017. 219 с.

Вихляев В.И. Культурные связи сурско-цининской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н.э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. (Труды МНИИЯЛИЭ. Выпуск 45). Саранск, 1974. С. 57–69.

Вязов Л.А. О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 43–53.

Вязов Л.А., Петрова Д.А. Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Материалы к V Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 2013. С. 15–20.

Вязов Л.А., Гришаков В.В., Мясников Н.С. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2016. № 6. С. 66–111.

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье (Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья. Вып. 1). Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Галимова М.Ш., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Гольева А.А., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В., Хейно М.Т., Аськеев А.О., ван дер Валк Т., Печнерова П., Дален Л., Аспи Й. Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение / Археология Евразийских степей. № 4. Казань, 2019. 276 с.

Генинг В.Ф., Казаков Е.П., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Валеев Р.К., Стоянов В.Е. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1962. 127 с.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 92–107

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: Изд-во “Удмуртский университет”, 2010. 500 с.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск, 2018. 720 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.

Голубев А.М. Еволюція клинкової зброї кочівників раннього середньовіччя // Археологія. 2015. № 4. С. 62–76.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Бурнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муромы VII–XI вв.: Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1990. 77 с.

Гришаков В.В., Седышев О.В. Снаряжение верхового коня (по материалам Чулковского могильника) // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 107–117.

Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–106.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо - эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IX–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 200–206.

Ефименко П.П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. Вып. 48. С. 7–36.

Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: 1990. С. 61–70.

Измайлов И.Л. Оружие ближнего боя волжских болгар X–XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 77–106.

Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции в зонах водохранилищ Волго-Камского каскада Татарстана. Казань, 1993 / Архив ИА РАН. Ф.1. Р.1. № 17427.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17–20 ноября 1997 г. – Самара, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской Археологический Сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 93–104.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР. № 80. М.: Наука, 1960. С. 226–250.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование Жигулевского археологического комплекса // Археологические открытия в Самарской области 2017 года. Самара: «Издательство СНЦ», 2018. С. 38–39.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27). Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. Tom 1). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 276 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968. 162 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV - середине VI в. н.э. М., 2009. 500 с.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II - IV вв. н.э. Дисс. ... канд.истор.наук. Казань, 2013. 183 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв. н.э.: именьковская культура: Учебное пособие. Самара, 2003. 160 с.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. тома А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 153–214.

Никитина А.В. Некоторые случайные находки эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Ульяновского региона // Вояджер: мир и человек. № 8. Самара, 2017. С. 59–86.

Обломский А.М. Поселение Замятино-7 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Раннеславянский мир. Вып. 6. / Под ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 37–56.

Петербургский И.М. Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. (Труды МНИИЛИЭ. Вып. 80). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. С. 50–78.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 209 с.

Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. С. 5–57.

Руденко К.А. Клад железных топоров с Тетюшского II городища в Татарстане эпохи раннего средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 1. С. 42–60.

Седьшиев О.В. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв. Дисс. ... канд. истор. наук Саранск, 2004. 191 с.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры / МИА № 139. М.: Наука, 1967. С. 35–61.

Старостин П.Н. Исследования V Маклашеевского могильника Казань, 1988 / Архив ИА АН РТ. Ф.14. О.1. Ед.хр. 212.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27-30 мая 2004 г.). Казань: Изд-во "Школа", 2006. С. 162–192

Сташенков Д.А. О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО "Офорт", 2010. С. 111–125.

Сташенков Д.А. Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовом могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: «Издательство СНЦ», 2014. С. 82–124.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф., Салугина Н.П. Керамика из погребений Жигулевского II грунтового могильника: морфология и технико-технологический анализ // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 177–197.

Сташенков Д.А., Салугина Н.П. О кремационных погребениях хазарской эпохи в Самарском Поволжье (по материалам Жигулевского II грунтового могильника) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского / Раннеславянский мир. Вып. 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 317–325.

Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1967. 211 с.

Степанов П.Д. Селище у с. М. Кандарать Ульяновской области // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V-VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984. 124 с.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 193 с.

Шитов В.Н. Меч с клеймом Ulfbert из Шокшинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье / Труды МНИИЛИЭ. Вып. 107). Саранск, 1992. С. 116–118.

Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Труды МНИИЛИЭ. Вып. 99. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. С. 21–31.

Циркин А.В. Древковое оружие мордвы и его хронология // СА. 1984. №1. С. 123–133.

Balogh S. A Mezőszilas type pendant from Grave 14 of the Mélykút-Sánc-dűlő cemetery // Thesaurus Avarorum. Magyar Nemzeti Múzeum; Eötvös Loránd Tudományegyetem Régészettudományi Intézet; Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet. Budapest, 2012. P. 269–286.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagellińskiego. Prace Archeologiczne. Z. 11. – Kraków, 1970. 126 p.

Csiky G. Avar-Age Polearms and Edged Weapons. Classification, Typology, Chronology and Technology // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 32. Leiden – Boston: Brill, 2015. 529 p.

Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county) // *Ephemeris Napocensis*. 2009. Vol. 19. P. 219–242.

Godłowski K. Kultura przeworska // *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, Wydawnictwo PAN, 1981. T. V: Późny okres lateński i okres rzymski. S. 57–135.

Ivanišević V. Late Antique cities and their environment in Northern Illyricum // *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land - Leben im Byzantinischen Reich (Byzanz zwischen Orient und Okzident. Issue 3)*. Mainz, 2016. P. 89–99.

Ivanišević V., Špehar P. Early Byzantine finds from Čečan and Gornji Streoc (Kosovo) // *Starinar*. Issue 55. 2005. P. 133-159.

Kontny B. Czas wojny czy czas dobrobytu? : zmiany w obrazie wyposażenia w broń grobów kultury przeworskiej w rozwiniętym odcinku fazy B2 // *Studia i Materiały Archeologiczne*. 2005. 12. S. 59-88.

Kontny B. The war as seen by an archaeologist. Reconstruction of barbarian weapons and fighting techniques in the Roman Period based on the analysis of graves containing weapons. The case of the Przeworsk Culture // *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005. Journal of Roman Military Equipment Studies*. 16. 2008. P. 107-145.

Kontny B., Mączyńska M. Ein Gräberfeld der späten Römischen Kaiserzeit bis frühen Völkerwanderungszeit in Bremerhaven-Lehe // *Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation. Neue Studien zur Sachsenforschung*. 5. Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, 2015. P. 241-262.

Manning W. H. The Ironwork // *Poulter A.* The Transition to Late Antiquity on the lower Danube: Excavations and survey at Dichin, a Late Roman to early Byzantine Fort and a Roman aqueduct. Oxford: Oxbow, 2019. P. 321-370.

Nagy M. A Hun-Age Burial with Male Skeleton and Horse Bones Found in Budapest // *Neglected Barbarians. (Studies in the Early Middle Ages Vol. 32)*. Turnhout, 2010. P. 137-175.

Nowakowski W. Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum // *Archaeologia Polona*. XXVII. 1988 P. 69-146.

Olędzki M., Tyszler L. The shield bosses of the Horgos type in the light of new finds from the Przeworsk culture // *Ephemeris Napocensis*. 2019. No 29. P. 201–214.

Tejral J. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Materialien des 10. Internationalen Symposiums "Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet"*, Xanten vom 2.-6. Dezember 1997. Köln/Brno: Archäologisches Inst. der Univ. zu Köln, 1999. P. 217-292.

Vida T. Frühmittelalterliche scheiben- und kugelförmige Amulettkapseln zwischen Kaukasus, Kastilien und Picardie // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 76*. 1995. Mainz am Rhein, 1996. P. 220-288.

Vyazov L. Sites of the late stage and the end of the Imenkovo culture in the Middle Volga region // *22nd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. 31st August-4th September 2016 Vilnius*. Vilnius, 2016. P. 214.

Информация об авторах:

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com.

Петрова Дарья Андреевна, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г.Казань, Россия); da-petrova@yandex.ru.

Кондрашин Виталий Викторович, ООО “Гефест” (г. Самара, Россия); willikon@yandex.ru.

Салова Юлия Анатольевна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); yadviga13@yandex.ru

REFERENCES

Aibabin, A. I. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja IV-XIII veka (Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th - 13th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 10-26 (in Russian).

Gotie, Yu. V., Yakovlev, A. I. (eds.). 1941. *Al'bom drevnostei mordovskogo naroda (Album of Mordovian Antiquities)*. Saransk: Mordovian Research Institute Publ. (in Russian).

- Aksenov, V.S. 1998. In *Visnik Harkivs'kogo derzhavnogo universitetu, seria: Istoria (The journal of Kharkiv State University, series: History)* 413 (30), 39-51 (in Russian).
- Aksenov, B. C., Miheev, V. K. 2006. *Naselenie khazarского kaganata v pamjatnikakh istorii i kul'tury. «Suhogomol'shanskij mogil'nik VIII-X vv.» (Population of Khazar Haganat in historical and cultural monuments. Suhogomol'shanskiy burial ground 8th - 10th centuries)* Vol.5. Kiev-Kharkiv (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1980. In Pletneva, S. A. (ed.). *Srednevekovie drevnosti evraziiskikh stepei. (Medieval antiquities of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3-56 (in Russian).
- Ambroz, A. K. 1982. In Ambroz, A. K., Erdeli, I. F. (eds.). *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov (Antiquities of the Migration period in 5th - 8th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107-120 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Issues and Materials)*. Series: *Rannelslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 7-34 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 275-279 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2016. In *Arheologiiia Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e. Problemy i materialy. Rannelslavjanskij mir (Archaeology of Eastern Europe in the 1st millennium AD. Issues and materials. Early Slavs world)* (13). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 7-34 (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2019. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskih vliianii i Velikogo pereseleniia narodov. Konferentsiia 4. Ch. 2 (Forest and Forest Steppe Zones of Eastern Europe in the Roman Era and the Migration period. Conference 4. Part 2)*. Tula: State Museum-reserve "Kulikovo field", 23-71 (in Russian).
- Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei Bolgarskoj tsivilizatsii. Istoriia tyurko-bolgarskoj tsivilizatsii (Museum of Bulgarian Civilization. History the Turkic-Bulgarian civilization)* 2. Kazan: Glavdizain Publ. (in Russian).
- Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka settlement)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
- Bogachev, A.V. 1996. In *Kul'tury Evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e (Cultures of the Eurasian steppe of the second half of the 1st millennium AD)*. Samara, 99-114 (in Russian).
- Bogachev, A. V., Vyazov, L. A., Gasilin, V. V., Myshkin, V. N., Seryh, D. V. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arheologicheskikh pamjatnikov Samarskoj oblasti) (The Middle Ages. The Migration period (based on archaeological sites of the Samara region))*. Samara, 119-163 (in Russian).
- Bugrov, D. G. 2002. In *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodejstvija i tolerantnosti narodov Priural'ja. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. K 30-letiiu Kamsko-Viatskoj arkheologicheskoi ekspeditsii (Historical origins, experience of interaction and tolerance of peoples of the Ural. Proceedings of international scientific conference. On the 30th anniversary of the Kama-Vyatka archaeological expedition)*. Izhevsk, 227-233 (in Russian).
- Burov, G. M. 1985. In Matveeva, G. I. (ed.). *Drevnosti Srednego Povolzh'ia (Antiquities of the Middle Volga region)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University Publ., 111-130 (in Russian).
- Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)*. (1), 211-226 (in Russian).
- Valiev, R. R. 2019. In *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnyh issledovanij. IV Mezhdunarodnyj congress srednevekovoj arkheologii evraziiskikh stepei, posvjashhennyj 100-letiiu rossijskoj akademicheskoi arheologii (The nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary studies. 4th International Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes, dedicated to the 100th anniversary of Russian academic archaeology)* 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 109-116 (in Russian).
- Vasyutkin, S.M., Ostanina, T.I. 1986. In *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii (History and culture of Udmurtia)*. Ustinov: "Udmurtiia" Publ., 64-125 (in Russian).
- Vvedenskii, V. I., Vyazov, L. A., Karavashkina, E. A. Makarova, E. M., Panin, A. V., Petrova, D. A. Ponomarenko, D. S., Kharchenko, V. L. 2018. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 2016 god*

(*Archaeological discoveries in 2016*). Moscow: Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 297–299 (in Russian).

Vinogradov, S. I. 2017. *Vooruzhenie i voennoe delo naselenija Dono-Doneckoj lesostepi vo vtoroj polovine VIII – nachale X vv. (saltovo-majackaja kul'tura) (Armament and military affairs of the population of Dono-Donetsk Forest Steppe in the second half of 8th - beginning of 10th centuries. (Saltovo-Mayak culture))*. PhD. thesis. Voronezh. (in Russian).

Vikhlyayev, V. I. 1974. In *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Analyses and studies on archaeology and ethnography of Mordovia)* (45), 57–69 (in Russian).

Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 43–53 (in Russian).

Vyazov, L. A., Petrova, D. A. 2013. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroj poloviny I tysjacheletija n.e.: Materialy k V Mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii. Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej im. P.V. Alabina (Cultures of the steppes of Eurasia of the second half of the 1st millennium AD: Proceedings for the 5th International Archaeological Conference.)*. Samara: Samara Regional Historical and Local History Museum of P.V. Alabin, 15-20 (in Russian).

Vyazov, L. A., Grishakov, V. V., Myasnikov, N. S. 2016. In *Voiazher: mir i chelovek: teoreticheskij i nauchno-metodicheskij zhurnal (Voyager: World and man: a theoretical and methodical journal)* (6), 66–111 (in Russian).

Vyazov, L.A., Semykin, Yu.A. 2016. *Gorodishhe i selishhe Novaja Beden'ga: epoha Velikogo pereselenija narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e (Arheologija Simbirskogo-Ul'janovskogo Povolzh'ja. Vyp. 1) (Novaya Bedenga hillfort and settlement: the Migration period in the Ulyanovsk region (Archaeology of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region, Vol.1))*. Ulyanovsk, (in Russian).

Gavrituhin, I.O., Ivanov, A.G. 1999. In *Permskii mir v rannem srednevekov'e (World of Permian peoples in the Early Middle ages)*. Izhevsk, 99–159 (in Russian).

Galimova, M. Sh., Lyganov, A. V., Khisyametdinova, A. A., Gol'eva, A. A., Bugrov, D. G., Askeev, I. V., Shaimuratova (Galimova), D. N., Askeev, O. V., Hejno, M. T., Askeev, A. O., van der Valk, T., Pechnerova, P., Dalen, L., Aspi, J. 2019. In *Arheologija Evrazijskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (4), (in Russian).

Gening, V. F., Kazakov, E. P., Khlebnikova, T.A., Vajner I. S., Valeev, R. K., Stoyanov, V. E. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological sites near Rozdestveno village)*. Kazan: Kazan University Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In *Issledovaniia po arheologii Juzhnogo Urala (Archaeology of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, 92–107 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V.A. 2010. *Turaevskii Mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereselenija narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A., Goldina, E. V. 2018. *Mogil'nik VI-IX vv. u d. Verh-Saja v Kungurskoj lesostepi (Materialy i issledovaniia Kamsko-Vjatskoi arheologicheskoi jekspeditsii. T. 19) (Verkh-Saya burial ground of the 6th-9th centuries in Kungur forest-steppe (Analyses and studies of the Kama-Vyatka archaeological expedition. Vol.19))*. Izhevsk: Udmurt State University Publ. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I-V vv. na Srednei Kame. (Burial rite of the Tarasovo burial ground of the 1st-5th centuries in the Middle Kama region)*. 3. Kazan, Izhevsk. (in Russian).

Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I-V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area) III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Golubev, A. M. 2015. In *Arkheologija (Archaeology)* (4), 62–76 (in Ukrainian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voенноe delo naselenija Altaja v III-XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) (The military affairs of the population of Altai in the 3rd-14th centuries. Vol. 2. Offensive weapons)*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

- Grishakov, V. V., Zelenev, Yu. A. 1990. *Muroma VII-XI vv.: Uchebnoe posobie (Muroma in the 7th-9th centuries: Handbook)*. Yoshkar-Ola. (in Russian).
- Grishakov, V. V., Sedyshev, O. V. 2013. In *Povolzhskaja arheologija (Volga River Region Archaeology)* 4 (6), 107–117 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 1982. In Ambroz, A. K., Erdeli, I. F. (eds.). *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V-VIII vekov (Antiquities of the Migration period in 5th - 8th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 69–106 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva S. A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja IV-XIII veka (Crimea, Northeast Black Sea and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th - 13th centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–206 (in Russian).
- Efimenko, P. P. 1975. In *Materialy po arheologii i jetnografii Mordovii (Analyses and studies on archaeology and ethnography of Mordovia)* (48), 7–36 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1990. In *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naselenija Severnoi i Central'noj Azii (Military Affairs of the Ancient and Medieval Peoples of North and Central Asia)*. Novosibirsk, 61–70 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arheologija Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Issues, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 77–106 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1993. *Issledovaniia Rannebolgarskoj ekspeditsii v zonakh vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada Tatarstana (The Early Bulgarian Expedition surveys in the area of reservoirs of the Volga and Kama rivers in Tatarstan)*. Kazan. Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. F.1. R.1. No 17427 (in Russian).
- Kazakov, E. P. 1997. In *Kul'tury Evrazijskikh stepei vtorok poloviny I tysyacheletija n.e. (voprosy khronologii). Materialy II mezhdunarodnoj arheologicheskoi konferencii (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (chronological issues). Proceedings of the 2nd International Archaeological Conference)*. Samara, 97–150 (in Russian).
- Kazakov, E. P., 2011. In *Finno-Ugrica* (12-13), 8–39 (in Russian).
- Kazanskii, M. M., Mastykova, A. V. 2010. In *Verhnedonskoi Arkheologicheskii Sbornik (Upper Donian Archaeological digest)* (5), 93–104 (in Russian).
- Kalinin N. F., Khalikov, A. Kh. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and Studies on the USSR Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 226–250 (in Russian).
- Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2018. In *Arkheologicheskie otkrytija v Samarskoj oblasti 2017 goda (Archaeological discoveries in the Samara region in 2017)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 38–39 (in Russian).
- Leshhinskaya, N.A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov I-V vv. n.je.) (Vyatsky Krai in the pyanoborsk culture epoch (based on funerary monuments of the 1st - 5th centuries))*. Izhevsk: Udmurt State University Publ., (in Russian).
- Magomedov, B. V. 2001. *Cheriakhovskaja kul'tura. Problema etnosa (Monumenta Studia Gothica. Tom 1) (Chernyahov culture. The issue of ethnicity (Monumenta Studia Gothica. Vol.1))*. Lublin: University of Maria Curie-Sklodovskaya Publ., (in Russian).
- Malashev, V. Ju., Jablonskij, L. T., 2008. *Stepnoe naselenie Juzhnogo Priural'ja v pozdnesarmatskoe vremja: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The steppe population of the Southern Ural in the late sarmatian period: based on Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: Oriental Literature Publ., (in Russian).
- Mazhitov, N. A. 1968. *Bahmutinskaja kul'tura. Jetnicheskaja istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysyacheletija nashej jery (Bahmutovo culture. Ethnic history of the population of Northern Bashkiria of the middle of the 1st millennium CE)*. Moscow: "Nauka" Publ., (in Russian).
- Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV - seredine VI v. n.je (Female costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – mid-6th centuries CE)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Matveev, R.V. 2013. *Vooruzhenie naselenija Volgo-Vjatskogo mezhdurech'ja v konce II - IV vv. n.je. (Armament of the population of the Volga and Vyatka interiors at the end 2nd – 4th centuries CE)* Ph.D. thesis. Kazan, (in Russian).
- Matveeva, G. I. 2003. *Srednee Povolzh'e v IV-VII vv. n.e.: imen'kovskaja kul'tura: Uchebnoe posobie (The Middle Volga region in the 4th – 7th centuries CE: Imenkov culture. Teaching manual)*. Samara, (in Russian).

Moshkova, M. G. 1989. In Meliukova, A. I. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 153–214 (in Russian).

Nikitina, A. V. 2017. In *Vojadzher: mir i chelovek (Voyager: World and man)* (8), 59–86 (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2004. In Oblomsky, A. M. (ed.). *Ostraia Luka Dona v drevnosti. Zamiatinskii arkeologicheskii kompleks gunnskogo vremeni (Rannelslavianskij mir. Vypusk 6) (The Ostraya Luka of the Don river in antiquity. Zamyatino archaeological sites complex of the Huns period. (Early Slavs world))* (6). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 37–56 (in Russian).

Peterburgskii, I. M. 1987. In *Voprosy drevnei istorii mordovskogo naroda (Issues of the ancient history of the Mordovian)* (80), 50–78 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture). Materialy i issledovaniia po arkeologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR)* 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1979. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkeologicheskie pamiatniki mordvy pervogo tysiacheletia nashei ery (Archaeological sites of the Mordva of the 1st millennium CE)*. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 5–57 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. In *Teoriia i praktika arkeologicheskikh issledovaniia (Theory and practice of archaeological research)* (1), 42–60 (in Russian).

Sedyshev, O. V. 2004. *Snariazhenie verhovogo konia u drevnej mordvy v III–XIII vv. (Ancient Mordovian riding horse equipment in the 3rd–13th centuries)*. Ph.D. thesis. Saransk (in Russian).

Smilenko, A. T., Braichevsky, M. Yu. 1967. In *Istoriia i arkeologiiia yugo-zapadnykh oblastei SSSR nachala nashei iery. Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (History and archeology of the southwestern regions of the USSR at the beginning of CE. Analyses and studies on archeology of the USSR)* 139. Moscow: "Nauka" Publ., 35–61 (in Russian)

Starostin, P. N. 1988. *Issledovaniia V Maklasheevskogo mogil'nika (Research of Maklasheevka 5 burial ground)*. Kazan: Archives of the Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences. F.14. L.1. 212 (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture). Series: Svod Arkeologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1–32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N., Chizhevsky, A. A. 2006. In *Istoriiko-Arkeologicheskie issledovaniia Povolzh'ja i Urala. Materialy III Halikovskikh chtenij (Historical and archaeological research of the Volga region and the Urals. Proceedings of the 3rd Halikov readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 162–192 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2010. In *40 let Srednevolzhskoi arkeologicheskoi ekspeditsii. Kraevedcheskie zapiski (40 years of the Middle Volga archaeological expedition. Local history notes)* (15), 111–125 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arheologicheskikh issledovaniia v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnykh jekspeditsij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 82–124 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., Salugina, N. P. 2019. In *Arheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* (6), 177–197 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Salugina, N. P. In *Evropa ot Latena do Srednevekov'ja: varvarskij mir i rozhdienie slavjanskikh kul'tur: K 60-letiju A.M. Oblomskogo (Rannelslavjanskij mir) (Europe from Laten to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures: To the 60th anniversary of A.M. Oboromsky (Early Slavs world))* (19). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 317–325 (in Russian).

Stepanov, P. D. 1967. *Osh-Pando (Osh-Pando hillfort)*. Saransk (in Russian).

Stepanov, P. D. 1971. In *Arkeologicheskie otkrytia 1970 g. (Archaeological discoveries in 1970)*. Moscow (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv. n.e.) (Turbasly culture (based on funeral sites 5th – 8th centuries CE))*. Ufa: "Gilem" Publ., (in Russian).

Terpilovskii, R. V. 1984. *Rannie slaiane Podesen'ia III–V vv (Early slavs on the Desna river in the 3rd – 5th centuries)*. Kiev (in Russian).

Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Rjolka na Srednei Obi (Riyolka burial ground in the Middle Ob)*. Tomsk: Tomsk University, (in Russian).

- Shitov, V. N. 1992. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Oksko-Surskom mezhdurech'e (Archaeological research in the Oka and Sura interfluvium)* (107), 116–118 (in Russian).
- Shitov, V. N. 1990. In *Srednevekovye pamjatniki Oksko-Surskogo mezhdurech'ja (Sites of the Middle Ages in the Oka and Sura interfluvium)* (99), 21–31 (in Russian).
- Cirkin, A. V. 1984. In *Sovetskaia arkheologija (Soviet Archaeology)* (1), 123–133 (in Russian).
- Balogh, C. 2012. In *Thesaurus Avarorum*. Magyar Nemzeti Múzeum; ELTE Régészettudományi Intézet; MTA BTK Régészeti Intézet. Budapest, 269–286 (in English).
- Godłowski, K. 1970. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*. Kraków, (in English)
- Csiky, G. 2015. In *East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450* (32). Leiden – Boston: Brill (in English).
- Dobos, A. 2009. In *Ephemeris Napocensis* (19), 219–242 (in English).
- Godłowski, K. 1981. In *Prahistoria ziem polskich*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, Wydawnictwo PAN, T. V: Późny okres lateński i okres rzymski. 57–135 (in Polish)
- Ivanišević, V., Špehar, P. 2005. In *Starinar* (55), 133–159 (in English).
- Ivanišević, V. 2016. In *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land - Leben im Byzantinischen Reich (Byzanz zwischen Orient und Okzident)* (3). Mainz, 89–99 (in German).
- Kontny, B. 2005. In *Studia i Materiały Archeologiczne* (12), 59–88 (in Polish).
- Kontny, B. 2008. In *The Enemies of Rome. Proceedings of the 15th International Roman Military Equipment Conference, Budapest 2005*. Journal of Roman Military Equipment Studies (16), 107–145 (in English).
- Kontny, B., Maćczyńska, M. 2015. In *Dying Gods – Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation. Neue Studien zur Sachsenforschung* (5). Hannover: Niedersächsisches Landesmuseum, 241–262 (in German).
- Manning, W. H. 2019. In Poulter, A. (ed.) *The Transition to Late Antiquity on the lower Danube: Excavations and survey at Dichin, a Late Roman to early Byzantine Fort and a Roman aqueduct*. Oxford: Oxbow, 321–370 (in English).
- Nagy, M. 2010. In *Neglected Barbarians. (Studies in the Early Middle Ages)* (32). Turnhout, 137–175 (in English).
- Nowakowski, W. 1988. In *Archaeologia Polona* (XXVII), 69–146 (in German).
- Olędzki, M., Tyszler, L. 2019. In *Ephemeris Napocensis* (29), 201–214 (in English).
- Tejral, J. 1999. In *Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Materialien des 10. Internationalen Symposiums "Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonaugebiet"*. Köln/Brno: Archäologisches Inst. der Univ. zu Köln, 217–292. (in German).
- Vida, T. 1996. In *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* (76) Mainz am Rhein, 220–288 (in German).
- Vyazov L. 2016. In *22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August-4th September 2016 Vilnius*. Vilnius, 214 (in English).

About the Authors:

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com.

Petrova Darya A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; da-petrova@yandex.ru

Kondrashin Vitaliy V. LLC “Gefest”. Pobedy str., 81, Samara, 443083, the Samara region, Russian Federation; willikon@yandex.ru.

Salova Yulia A. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; yadviga13@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

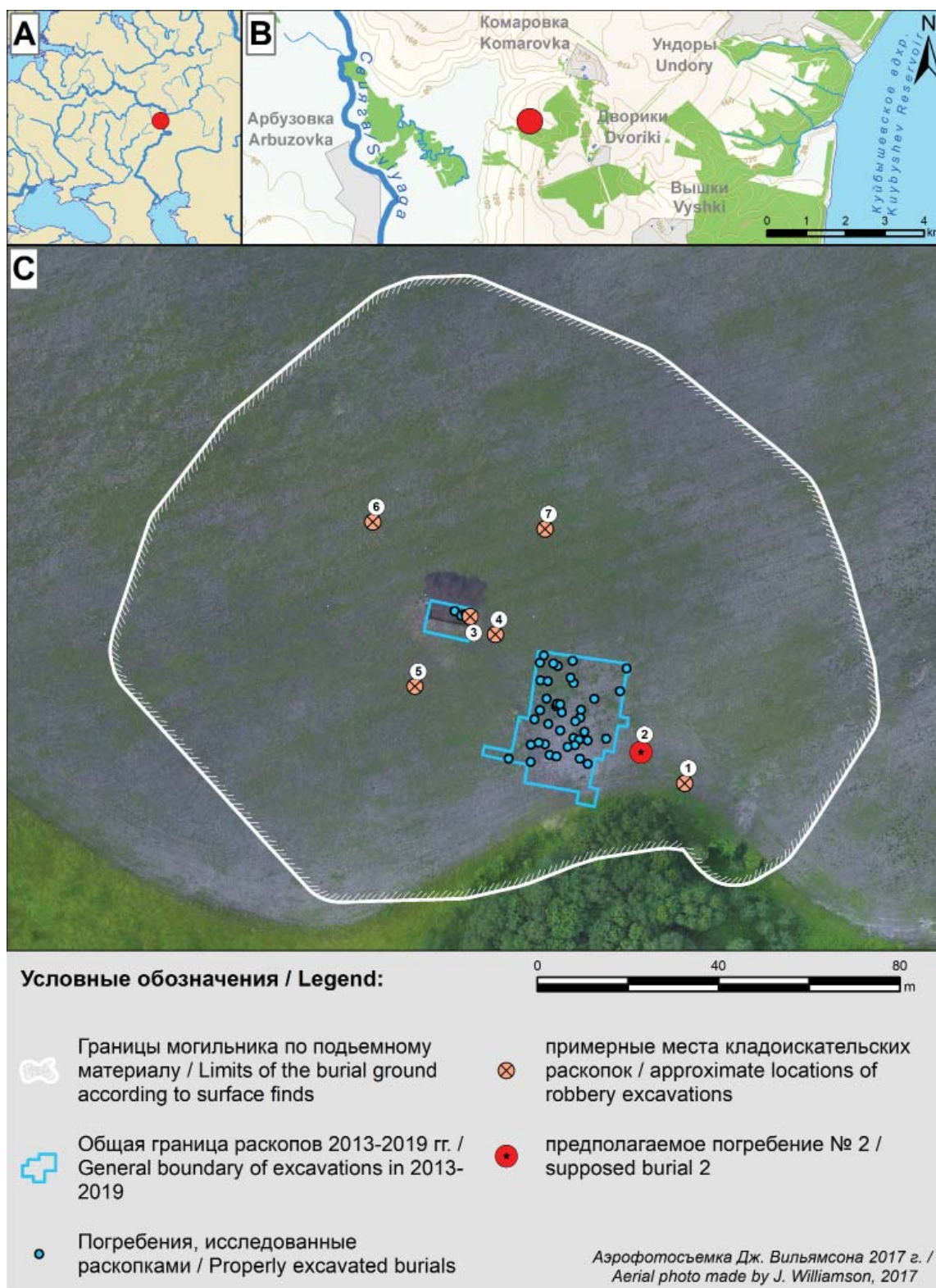

Рис. 1. А - Комаровский археологический комплекс на карте Восточной Европы; В - Комаровский археологический комплекс на карте Волго-Свияжского междуречья; С - Комаровский грунтовой могильник: планы раскопов 2013-2019 гг. и предполагаемое место обнаружения "предполагаемого погребения № 2".
Fig. 1. А – Komarovka archaeolocal site-complex on the map of Eastern Europe; В - Komarovka archaeological site-complex on the map of the Volga-Sviyaga interfluvium; С –Komarovka burial ground: excavations in 2013-2019 and the “burial 2” proposed location.

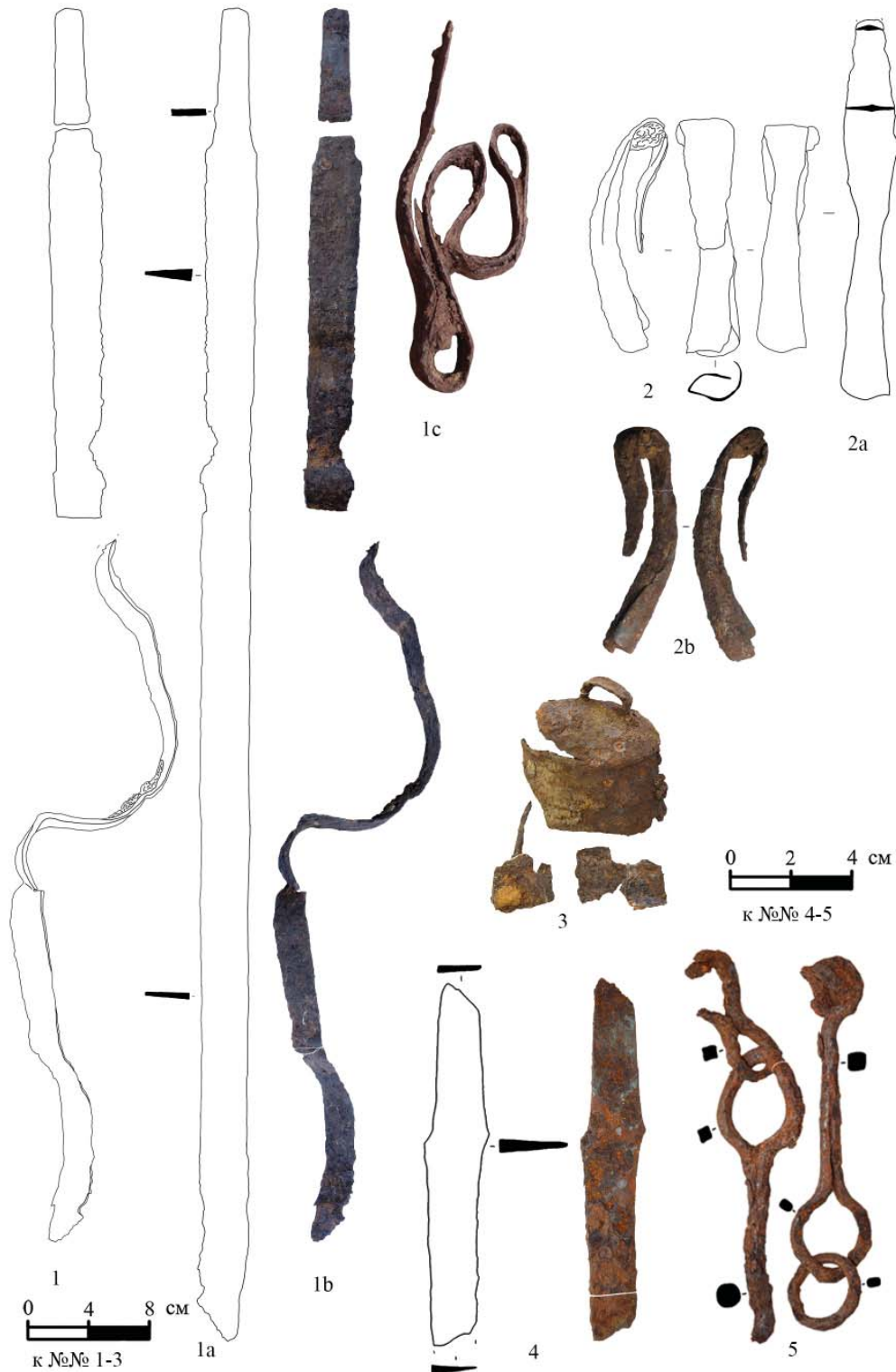

Рис. 2. Предметы вооружения и конской упряжи из комплекса "предполагаемого погребения № 2".
 1 - однолезвийный клинок (1, 1b - текущее состояние; 1a - реконструкция; 1c - состояние на момент находки);
 2 - наконечник копья (2a - реконструкция, 2, 2b - текущее состояние); 3 - ботало и его фрагменты; 4 - боевой нож;
 5 - удила. 1-5 - железо.

Fig. 2. Weapons and elements of horse harness from the "burial 2". 1 – single-edged blade (1, 1b – current condition; 1a - reconstruction; 1c – condition of the artifact when discovered); 2 – spearhead (2a - reconstruction, 2, 2b - current condition), 3 – cowbell, 4 – combat knife, 5 – snaffle bits. 1-5 - iron.

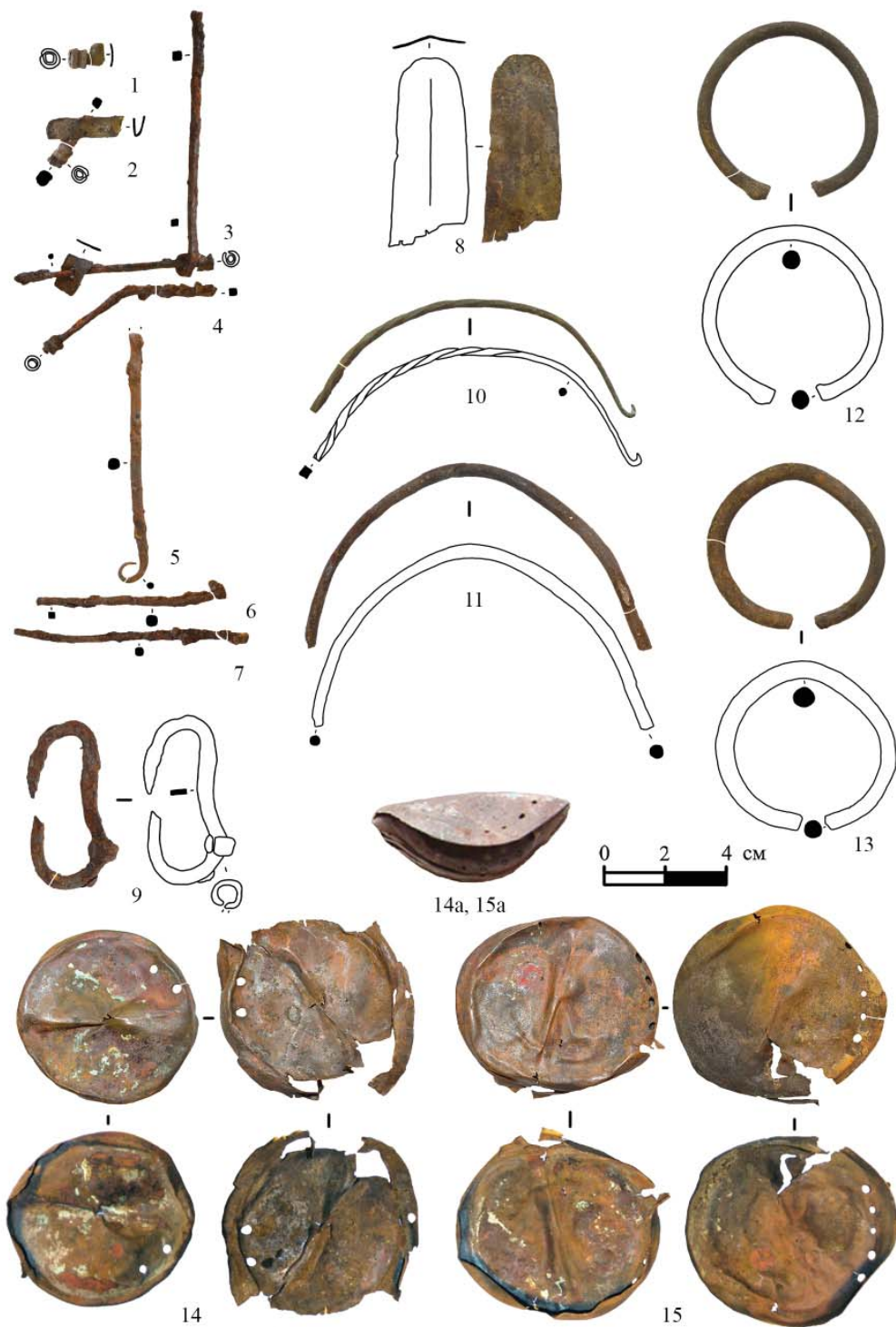

Рис. 3. Украшения и детали костюма из "предполагаемого погребения № 2". 1, 2 - фрагменты накладок с кнопками от фибул; 3 - ось и игла фибулы; 4, 6, 7 - оси фибул; 5 - игла фибулы; 8 - фрагмент пластины ножки фибулы; 9 - рамка В-образной пряжки с фрагментом язычка; 10 - фрагмент витой гривны; 11 - фрагмент круглодротовой гривны; 12, 13 - браслеты круглодротовые; 14, 15 - фрагменты коробочек-"булл" (14а, 15а - состояние на момент находки). 1-4, 6, 7, 9 - железо, сплав цветных металлов; 5, 8, 10-15 - сплав цветных металлов.

Fig. 3. Garment elements from the "burial 2". 1, 2 - fragments of fibulae plates with knobs, 3 - fibula pin and axis-pin, 4, 6, 7 - fibulae axis-pins, 5 - pin, 8 - fragment of foot plate, 9 - B-shaped buckle ring with a part of tongue, 10 - fragment of twisted rod torque, 11 - fragment of round-sectioned rod torque, 12, 13 - round-sectioned rod bracelets, 14, 15 - fragments of bullae (14a, 15a - condition of the artifact when discovered). 1-4, 6, 7, 9 - iron, non-ferrous alloy; 5, 8, 10-15 - non-ferrous alloy.

Рис. 4. Находки кладоискателей с предметами вооружения из окрестностей с. Комаровка. 1 - однолезвийный клинок, 2 – удила; 3 - боевой нож; 4 - фрагмент пластины (фрагмент ножен ножа?); 5 - свернутая пластина (фрагмент ножен клинка?); 6 - пластина со сквозными отверстиями; 7 - наконечник стрелы трехлопастной; 8 - восьмеркообразное кольцо; 9, 10 - круглодротовые браслеты. 1-3, 7 - железо, 4-6, 8-10 - сплав цветных металлов.

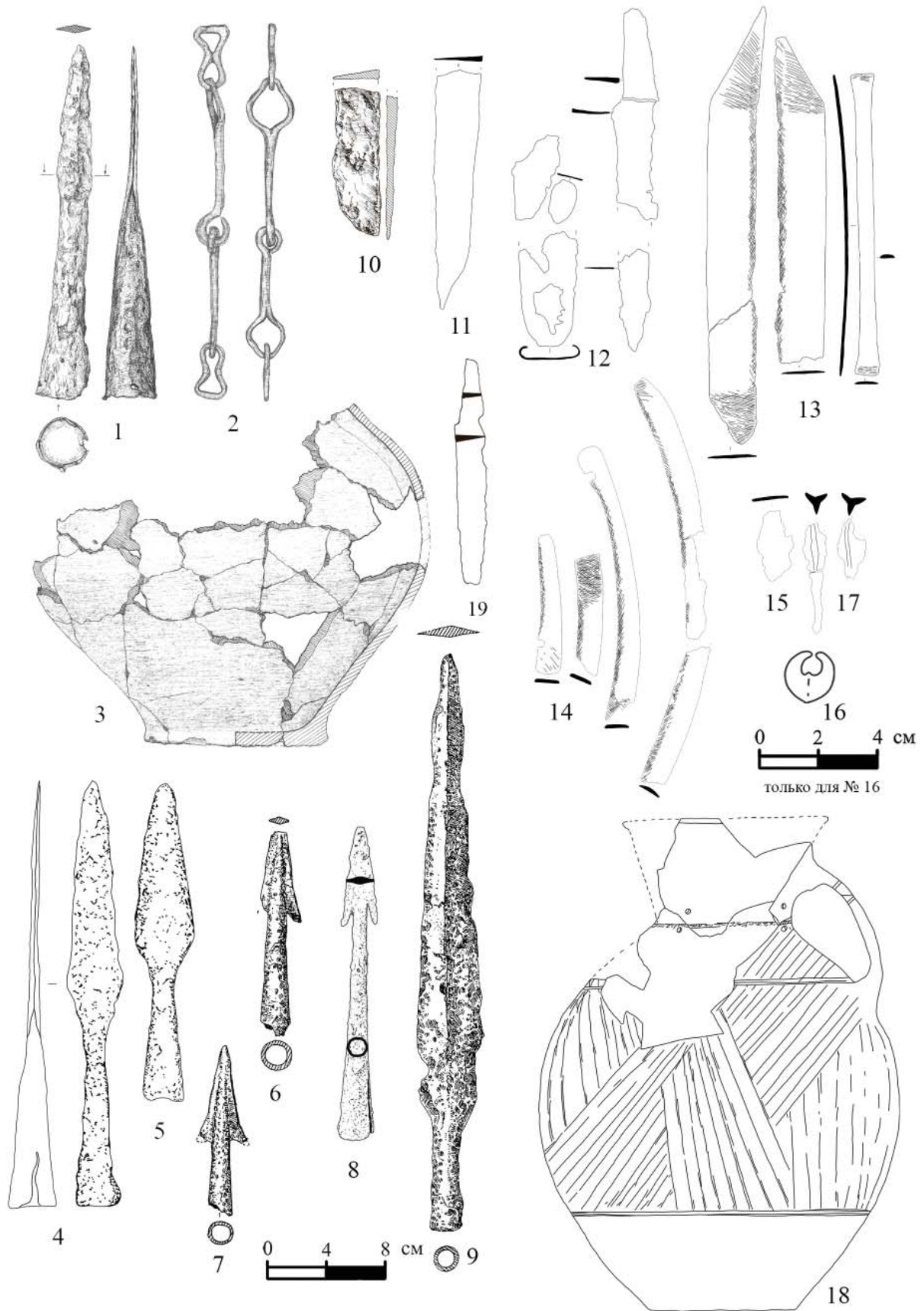
Fig. 4. Robbery finds with weapons from the vicinity of Komarovka. 1 - single-edged blade; 2 – snaffle bits; 3 - combat knife; 4 – fragment of plate (knife scabbard?); 5 – wrapped plate (sword scabbard?); 6 – plate with through holes; 7 – three-bladed arrowhead; 8 – eight-shaped ring; 9, 10 - round-sectioned rod bracelets. 1-3, 7 - iron, 4-6, 8-10 - non-ferrous alloy.

Рис. 5. Оружие ближнего боя из памятников именьковской культуры и предметы из комплексов с ними.

Жигулевское II селище, погребение 4: 1 - наконечник копья; 2 – удила; 3 - лепной сосуд. Селище Новая Беденьга I (по: Вязов, Семькин, 2016): 10 - фрагмент однолезвийного клинка, 19 - боевой нож. Маклашеевский V могильник, погребение 39 (фонды МА РТ): 11 - фрагмент боевого ножа. Коминтерновский II могильник, погребение 84 (№№ 12-15, 17 - фонды МА РТ, №№ 16, 18 по: Казаков, 2011): 12 - фрагменты кинжала и ножен; 13, 14 - накладки на лук; 15 - фрагмент изделия; 16 – серьга; 17 – наконечники стрел; 18 - кувшин. Городище Ош-Пандо (Сайнинское) (по: Степанов, 1967): 4,5 - наконечники копий. Щербетское островное I селище (по: Старостин, 1967): 6 - наконечник копья. Коминтерновское IV (Курган) селище (по: Старостин, 1967): 7 - наконечник копья. Алатырское I селище (по: Вязов и др., 2016): 8 - наконечник копья. Именьковское I городище (по: Старостин, 1967): 9 - наконечник копья. 1, 2, 4-12, 15, 17, 19 - железо; 3, 18 - глина; 16 - сплав цветных металлов, позолота; 13, 14 - кость.

Fig. 5. Melee weapons from the Imen'kovo culture sites and related artifacts. Zhigulyovsk 2 settlement, bur. 4:

1 – spearhead; 2 - snaffle bits; 3 - vessel. Novaya Bedenga 1 settlement (Vyazov, Semykin, 2016): 10 - fragment of single-edged blade; 19 - combat knife. Maklasheevka 5 burial ground, bur. 39 (MA RT): 11 - fragment of combat knife. Komintern 2 burial ground, bur. 84 (12-15, 17 - MA RT, 16, 18 – Kazakov, 2011): 12 - fragments of dagger and scabbard; 13, 14 – bow plates; 15 – fragment of an item; 16 – earring; 17 – arrowheads; 18 - jar. Osh-Pando (Saynino) hillfort (Stepanov, 1967): 4, 5 - spearheads. Sherbet' 1 island settlement (Starostin, 1967): 6 - spearhead. Komintern 4 ("Kurgan") settlement (Starostin, 1967): 7 - spearhead. Alatyry' 1 settlement (Vyazov and others, 2016): 8 - spearhead. Imen'kovo 1 hillfort (Starostin, 1967): 9 - spearhead. 1, 2, 4-12, 15, 17, 19 - iron; 3, 18 - clay; 16 - non-ferrous alloy and gilding; 13, 14 - bone.

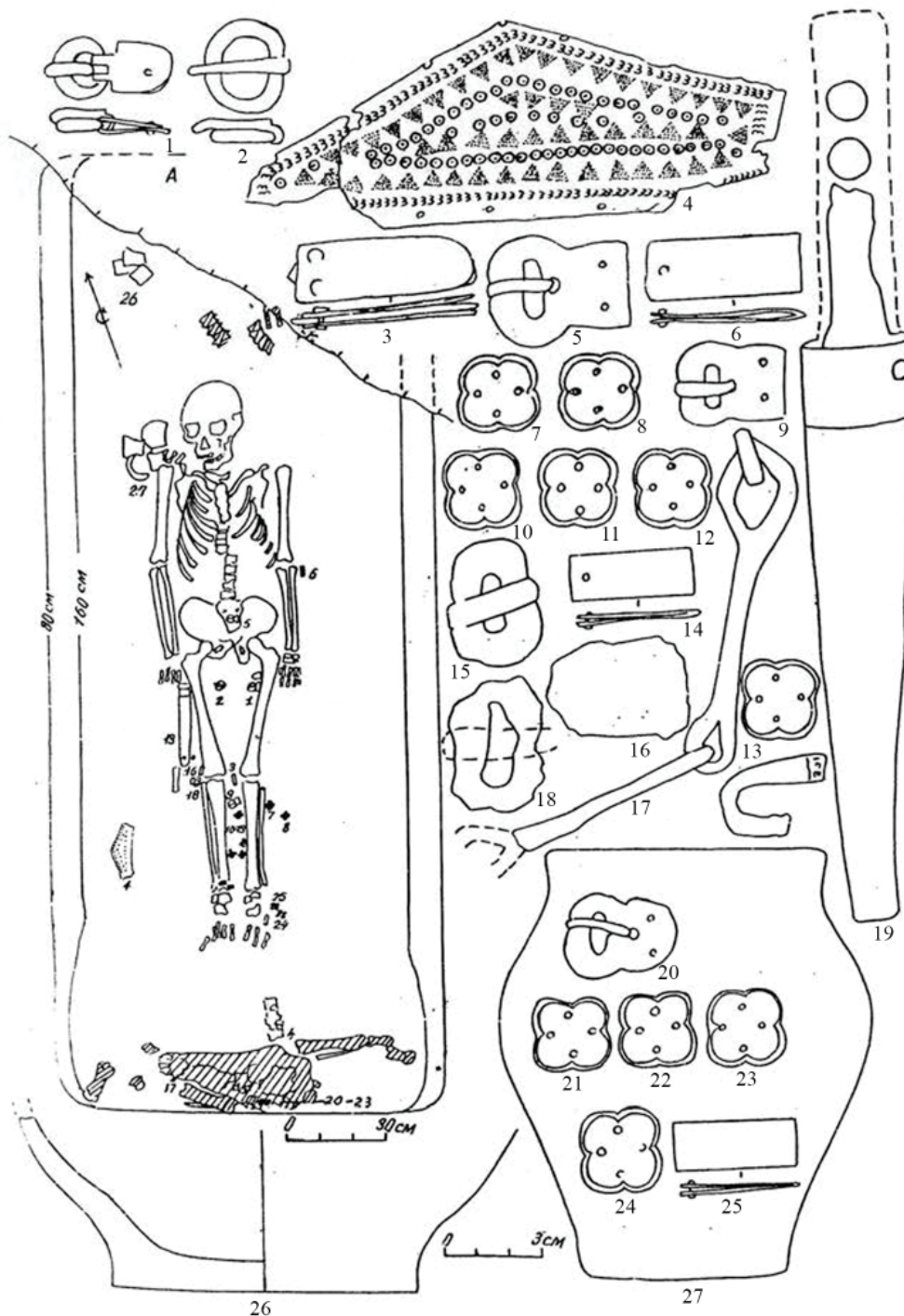
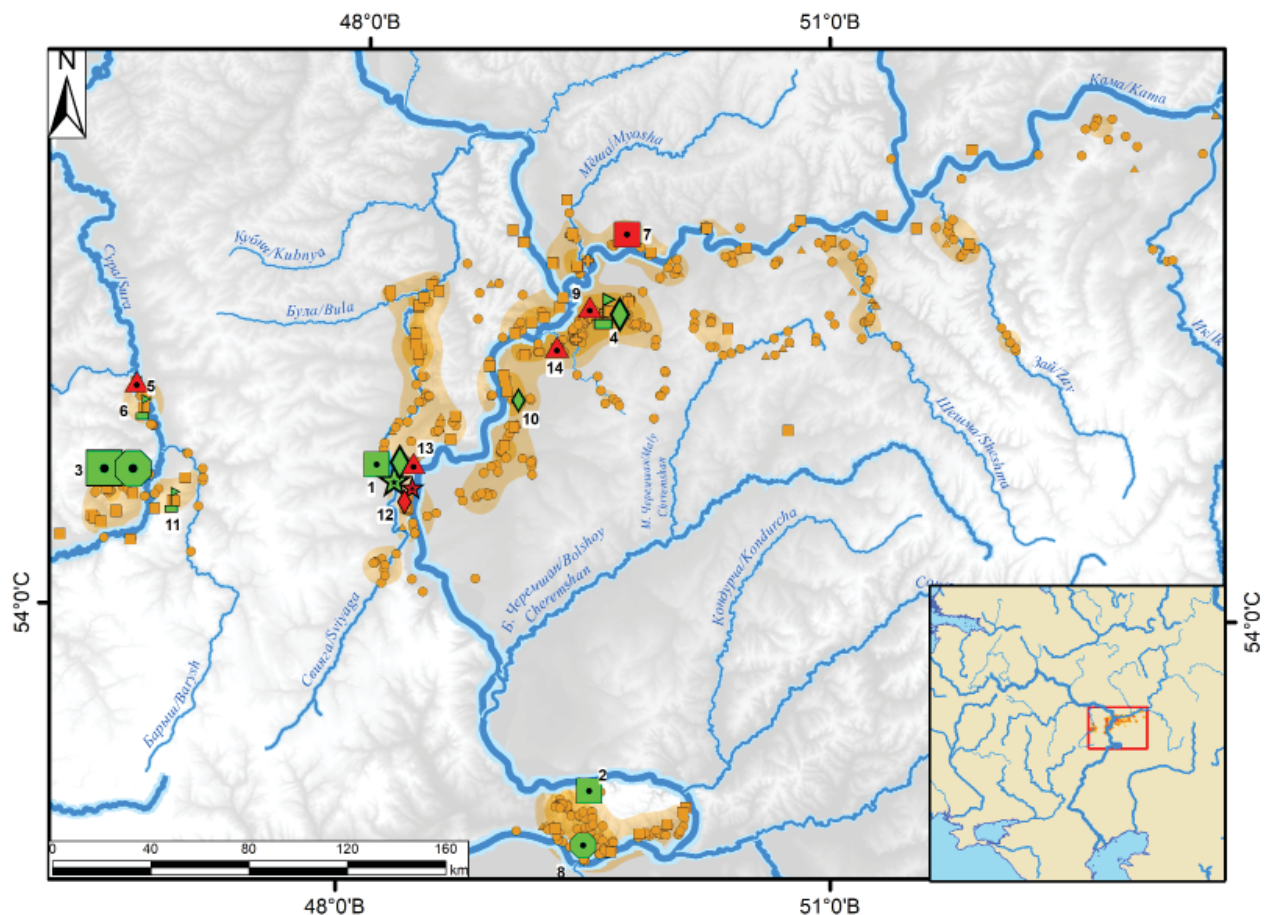

Рис. 6. Оружие ближнего боя из памятников именьковской культуры и предметы из комплексов с ними (продолжение). Коминтерновский II могильник, погр. 46 (по: Казаков, 2011). 1, 2, 5, 9, 15, 18, 20 – пряжки; 3, 6, 14, 25 - наконечники ремней; 4 - обкладка седла; 7, 8, 10-13, 21-24 – накладки; 16 - фрагмент изделия; 17 – удила; 19 - нож в ножнах; 26 - фрагмент сосуда; 27 - сосуд. 1,2 - сплав цветных металлов; 3-14, 20-25 - сплав цветных металлов белого цвета; 15-18 - железо; 19 - железо, сплав цветных металлов, дерево; 26,27 - глина.

Fig. 6. Melee weapons from the Imen'kovo culture sites and related artifacts (extension). Komintern 2 burial ground, bur. 46 (Kazakov, 2011). 1, 2, 5, 9, 15, 18, 20 – buckles; 3, 6, 14, 25 – belt tips; 4 – saddle pommel plate; 7, 8, 10-13, 21-24 – belt plates; 16 - fragment of an item; 17 - snaffle bits; 19 - combat knife in scabbard; 26 - fragment of vessel; 27 - vessel. 1,2 - non-ferrous alloy; 3-14, 20-25 – white colored non-ferrous alloy; 15-18 - iron; 19 - iron, non-ferrous alloy, wood; 26, 27 - clay.

Условные обозначения / Legend:

Тип, контекст и количество предметов вооружения / Type, context and number of weapons

▲	двушипный наконечник, культурный контекст неопределен / barbed spearhead, uncertain cultural context	■	наконечник копья, культурный контекст неопределен / spearhead, uncertain cultural context
◆	боевой нож, культурный контекст неопределен / combat knife, uncertain cultural context	■	наконечник копья, именковская культура / spearhead, Imen'kovo culture
◆	боевой нож, именковская культура / combat knife, Imen'kovo culture	●	панцирная пластина, именковская культура / armor plate, Imen'kovo culture
▬	накладка на лук, именковская культура / bone bow plate, Imen'kovo culture	■	Городища / Hillforts
★	однолезвийный клинок, культурный контекст неопределен / single-edged blade uncertain cultural context	⊕	Могильники / Burial grounds
★	однолезвийный клинок, именковская культура / single-edged blade, Imen'kovo culture	●	Селища / Settlements
		▲	Местонахождения / Finds

Рис. 7. Находки оружия ближнего боя, накладок на лук и панцирных пластин на памятниках именковской культуры. 1 - Комаровский грунтовый могильник ; 2 - Жигулевское II селище; 3 - Ош-Пандо (Сайнинское) городище; 4 - Коминтерновский II могильник; 5 - Алатырское I (Красная Горка) городище; 6 - Ивановско-Ленинское городище Шолом; 7 - Именковское I городище ; 8 - Кармалинское городище; 9 - Коминтерновское IV (Курган) селище; 10 - Маклашеевский V могильник; 11 - Малокандаратское I селище ; 12 - Селище Новая Беденьга I; 13 - Ундоровское III селище; 14 Щербетское I островное селище.

Fig. 7. Finds of melee weapons, bow linings and armor plates on the Imen'kovo culture sites. 1 - Komarovka burial ground; 2 - Zhigulevsk 2 settlement; 3 - Osh-Pando (Sainino) hillfort; 4 - Komintern 2 burial ground; 5 - Alatyr 1 settlement; 6 - "Sholm" hillfort of Ivan'kovo-Lenino; 7 - Imen'kovo 1 hillfort; 8 - Karmaly hillfort; 9 - Komintern 4 ("Kurgan") settlement; 10 - Maklasheevka 5 burial ground; 11 - Malaya Kandarat' 1 settlement; 12 - Settlement Novaya Bedenga 1; 13 - Undory 3 settlement; 14 - Shcherbet' 1 settlement.